От автора потрясающих романов
«Поющие в терновнике» и «Горькая радость»!
Колин
Маккалоу
Евангелие
любви

Колин Маккалоу

Евангелие любви

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11698628
Евангелие любви: Издательство АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-088215-1

Аннотация

…Холод сковывает материк за материком, не хватает продуктов и топлива. Приняты суровые законы об экономии ресурсов и ограничении рождаемости…

Как пережить это мрачное время, не ожесточиться и обрести надежду на лучшее? Решительная и амбициозная Джудит Кэрриол, близкая к кругу властей предержащих, находит того, кому предстоит стать новым мессией человечества, – Джошуа Кристиана, человека необыкновенно доброго, честного и искреннего. Его заветы просты: вера, надежда, любовь. А обаяние его личности таково, что люди готовы идти за ним куда угодно.

Но сумеет ли он, Сын Человеческий Третьего тысячелетия, найти в себе мужество и силу не только исцелить миллионы страждущих душ, но и пройти свой крестный путь до конца?..

Содержание

I 5
II 21
III 43
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Колин Маккалоу
Евангелие любви

© Colleen McCullough, 1985
© Перевод. А.А. Соколов, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

I

Даже для января в Холломене, штат Коннектикут, ветер казался необыкновенно пронизывающим. Когда доктор Джошуа Кристиан свернул с Кедровой на улицу Вязов, порыв ветра со всей силой ударил навстречу – настоящий арктический вихрь с ледяными клыками и когтями. Он вгрызался в кожу и царапал ее там, где лицо пришлось оставить неприкрытым, чтобы видеть, куда идти. О, Кристиан знал, куда идет, и хотел одного – не видеть этой дороги.

Как все казалось непохоже на прежние времена, когда улица Вязов была главной в черном гетто. Гордые люди в ярких, пестрых одеждах, повсюду смех, из дверей вылетает ребятня на скейтбордах и роликах… Такие красивые детишки – ухоженные, искрящиеся весельем и всегда гурьбой, потому что улица – главное место, где можно играть и где происходят самые важные события.

Возможно, когда-нибудь в будущем Вашингтон и власти штата отыщут средства и решат, что делать с северными гетто, но пока находятся более важные приоритеты, чем сотня тысяч пустующих трехквартирных домов в тысяче северных городков и поселков. Поэтому гниют посеревшие от непогоды доски, которыми забиты окна и двери, лупится со стен серая краска, падает с крыш серая черепица, крошатся ступени, в сером сайдинге зияют широкие щели. Спасибо ветру – хотя бы он нарушал тишину. Гудел в проводах над головой, нудно, тоскливо подвывал в узких проломах, всхлипывал и снова набирал полный голос, что-то бормотал, шевеля замерзшие листья и сбивая в кучу пустые банки, а затем гулко ударял в порожний мусорный бак у давно закрытого винного магазина и бара на углу Кленовой улицы.

Доктор Джошуа Кристиан был местным – родился, вырос, учился и повзрослел в Холломене. Он не представлял, что можно жить где-нибудь еще, и никогда об этом не помышлял. Он любил это место. По-настоящему любил заброшенный, с выселенными жителями, никому не нужный город. Вопреки всему любил. Холломен был его домом. И каким-то невыразимым образом город слепил его таким, каким он стал, – вот почему он пережил здесь все последние стадии его гибели. И теперь брел по обескровленным руинам.

Серый свет дня и все вокруг серое. Серые ряды опустевших домов, серая кора на деревьях с облетевшими листьями, серое небо. *Я потрудился над этим миром, и он будет серым*. Цвет, лишенный цвета. Символ горя. Квинтэссенция опустошения. О Джошуа, даже в мыслях не надевай на себя серое!

Дальше было немного лучше. Он шел по улице Вязов, где иногда попадались обитаемые дома. В них неуловимо чувствовалось присутствие человека, хотя и брошенные жилища, и те, в которых еще оставались люди, выглядели одинаково. Оконные проемы забиты, как и выходящие на улицу двери, в щелях ни полоски света. Но ступени на крыльце выметены, трава примята и сайдинг из сверхтолстого алюминия выглядит новым.

Два дома доктора Кристиана были сразу за поворотом с улицы Вязов на Дубовую, неподалеку от большого перекрестка, где улица Вязов пересекалась с Семьдесят восьмой. Это примерно в двух милях он центрального городского почтамта, куда он этим серым днем ходил отправить письма и проверить свой почтовый ящик, поскольку почтальон больше не разносил корреспонденцию по домам.

Приближаясь с противоположной стороны к номерам 1045 и 1047 по Дубовой, главной городской артерии, названной так из-за восьмидесятилетних деревьев, чьи узловатые корни пронизали проезжую часть, доктор Джошуа машинально задержался и окинул взглядом свои владения. Отлично. Света не видно. Если бы свет пробивался наружу, это бы зна-

чило, что внутрь проникает воздух. Холодный воздух, который в доме совершенно не нужен. Вполне достаточно открыть и закрыть заднюю дверь и ведущую в неотапливаемый подвал бесполезную систему воздушного обогрева, чтобы проветрить, но в то же время не охладить помещение.

Два дома доктора Джошуа были такими же серыми, как почти все другие, и построены так же, как строили в конце двадцатого века – на три семьи. Но его два дома были связаны друг с другом на среднем уровне: их вторые этажи соединяла галерея. И их перестроили таким образом, чтобы они могли служить иным целям – в отличие от других трехквартирных жилищ. В 1045-м Джошуа принимал больных, а в 1047-м размещалась его семья.

Довольный, что все в порядке, доктор Джошуа, не потрудившись посмотреть по сторонам, перешел улицу. Машин в Холломене не было, а автобусные маршруты по Дубовой не проходили, и на всем пространстве улицы возвышались неровно смерзшиеся кучи снега высотой в три фута. Они лежали там, куда их набросали, когда чистили тротуары.

Вход в дома был со стороны двора. Доктор прошел под надземным переходом и повернул налево к номеру 1047. Никто из пациентов не записывался, и он не хотел испытывать судьбу и заходить в 1045-й. Небольшая терраска, которой оканчивалась задняя лестница, была давно забита досками, в нее вела крепкая дверь, отворявшаяся в сторону ступеней. Открыв ключом дверь, доктор Джошуа оказался в самодельном тамбуре, дающем такую необходимую защиту от сурового внешнего мира. Еще один ключ и еще одна дверь, которая вела в настоящий коридор. Там он снял отороченную мехом шапку, повесил на крюк пальто, поставил на полку ботинки и, сунув ноги в тапочки, вошел в третью дверь, которая, в отличие от двух прежних, была не заперта. Наконец он оказался у себя дома.

Кухня. Мама стоит у плиты – а где же ей еще быть? Учитывая особенности ее характера и род занятий, ей бы больше пристало быть эдакой ворчуньей – женщиной за шестьдесят с морщинистым лицом и толстыми лодыжками. Джошуа рассмеялся нелепости этой картины. Мать обернулась, улыбнулась и радостно протянула к нему руки:

– Что тебя так рассмешило, Джошуа?

– Просто играю.

Эта женщина была матерью нескольких психологов. И от того, что прекрасно знала это племя, временами казалась умнее и образованнее, чем была на самом деле. Как, например, сейчас, когда вместо того, чтобы удивиться: «Игра? Что еще за игра?», спросила: «Какая игра?».

Джошуа сел на угол кухонного стола, поджал ногу и копался в вазе с фруктами, которая всегда стояла на этом месте, пока не выудил из нее сладкое, крепкое яблоко.

– Я вообразил, – ответил он, хрустя яблоком, – вообразил, что твоя внешность соответствует твоей нелегкой жизни. – Он улыбнулся своим словам, шутливо щурясь. – Представил, что ты старая и некрасивая, отмеченная печатью тяжелого труда.

Она оценила шутку и улыбнулась. Лицо ее расцвело, а на шелковистых щеках – там, где румянец над скулами переходит в молочную бледность, появились ямочки. Не знавшие косметики алые губы приоткрылись, демонстрируя великолепные зубы, огромные близоруко-туманные голубые глаза светились под длинными черными ресницами живым здоровьем, в собранных в узел на затылке великолепных, золотистых, как спелая пшеница, волнистых, густых волосах не было видно ни пряди седины.

У Джошуа от удивления перехватило дыхание: он не переставал удивляться – ведь это же его мать – его мать! – и она самая красивая женщина из всех, которых ему доводилось видеть в жизни. Но сама она своей красоты не сознавала, нежно размышлял он. Удивительно, но в ней нет ни капли тщеславия. Хотя ему было тридцать два года, ей оставалось еще четыре месяца до сорок восьмого дня рождения. Она вышла замуж очень рано: до безумия влюбилась в его отца, который был намного старше, и специально устроила так, чтобы забереме-

неть не хотела, чтобы его терзали сомнения, можно ли жениться на столь юной красавице. Джошуа радовала мысль, что его отец не устоял перед соблазном обольщения.

Сам Джошуа помнил отца смутно – тот умер, когда ему едва исполнилось четыре года, и теперь он не мог с уверенностью сказать, были ли это его собственные воспоминания или отражение того, что он слышал от матери. Если, как говорят, он был копией отца, то вот уж бедняге не повезло. Что в отце было такого, чтобы в него влюбилась мать? Очень высокий, худой мужчина с черными волосами, карими глазами, землистой кожей, словно сдавленным к центру лицом и большим, узким, похожим на орлиный клюв носом.

Джошуа опомнился, почувствовав на себе любящий взгляд матери. Ее любовь была простой и чистой. Настолько ничем незапятнанной, что он не ощущал ее как бремя, а принимал без страха и чувства вины.

– Где все? – спросил он, подходя к плите, чтобы матери было удобнее с ним разговаривать.

– Еще не вернулись из клиники.

– Тебе в самом деле надо переложить некоторые домашние обязанност на девочек.

– В этом нет никакой необходимости. – Эта тема постоянно возникала в их разговорах. – У них хватает забот в сорок пятом.

– Дом слишком велик, чтобы управляться в нем одной.

– Трудно управляться, Джошуа, когда есть дети, а здесь детей нет. – В ее голосе послышалась нотка печали, но вместе с тем в нем не было никакого упрека. Она сделала над собой усилие и, взбодрившись, весело продолжала: – Во всяком случае, не приходится вытирать пыль. Это, наверное, единственное преимущество нынешней зимы. Пыль просто не способна проникнуть в дом.

– Я рад, мама, что ты видишь во всем положительную сторону.

– Хорошим бы я была примером для твоих пациентов, если бы ныла и жаловалась. Когда-нибудь Джеймс и Эндрю заведут детей, и вот тогда я опять окажусь в своей стихии – ведь их матери будут нужны в сорок пятом. В конце концов, я одна из всех обладаю материнским опытом – принадлежу к прошлому счастливому поколению, когда можно было заводить столько детей, сколько хотелось. А мне хотелось – о! – десятки. За четыре года родила четверых и рожала бы еще, если бы твой отец не умер. Мне было даровано это счастье, и я никогда о нем не забываю.

Джошуа так и подмывало сказать: «Мама, какая же ты была эгоистка! Вы с отцом воспроизвели себя дважды в то время, как многие родители в Америке заводили по одному ребенку и все больше людей задавалось вопросом, нужны ли дети вообще. Теперь четверо твоих отпрысков должны расплачиваться за вашу безответственность. Вот что нас на самом деле гнетет. А не холод. Не отсутствие удобств и возможности уединиться, когда мы куда-то едем. И даже не строгие ограничения, так противные американской натуре. Дети. Вернее, то, что их нет.

Запищал вызов внутренней связи. Мать Джошуа ответила на вызов, некоторое время слушала, затем, поблагодарив, положила трубку.

– Джеймс просит, чтобы ты пришел к ним, если свободен. Там миссис Фейн, она привела с собой еще одну пат-патку.

Доктор Джошуа решил, что, прежде чем встретиться с Патти Фейн и ее пат-паткой, ему следует переговорить с братом, и, чтобы миновать приемную, поднялся на один этаж и перешел в соседний дом по галерее. Джеймс встретил его в конце коридора со стороны сорок пятого.

– Только не говори, что у нее срыв, все равно не поверю. – Они направились в глубь среднего этажа, где находился кабинет доктора Джошуа.

– Она прекрасно держится, – ответил брат.

– Тогда в чем проблема?

– Я приведу ее наверх – пусть лучше расскажет сама.

Доктор Кристиан встретил Джеймса и миссис Патти сидя, но не за огромным столом, занимавшим весь угол комнаты, а на своем любимом бугристом диване.

– Что случилось? – спросил он безо всяких предисловий.

– Катастрофа. – Миссис Фейн устроилась на другом конце дивана.

– В каком смысле?

– Началось все нормально. Девочки обрадовались, что я вернулась после четырехмесячного отсутствия. Их поразило, что я работаю с гобеленами. Милли Тринг, скажу я вам, просто онемела – не могла переварить новость, что я зарабатываю деньги, помогая реставраторам древних вещей.

– То есть причиной катастрофы стали вы?

– Нет, нет. Как я уже упоминала, все шло прекрасно даже тогда, когда я им сказала, что к срыву меня подтолкнуло письмо Бюро второго ребенка, в котором меня информировали, что в лотерее мне не повезло.

Джошуа пристально на нее посмотрел, но не уловил признаков страдания от такого горького разочарования. Хорошо. Очень даже хорошо!

– Вы признались, что пришли ко мне лечиться?

– Конечно. И как только эта новость всплыла, Сильвия Стрингман тут же вылезла со своими комментариями. Вы шарлатан, потому что самый великий в мире психиатр Мэтт Стрингман утверждает, что вы шарлатан. Наверное, я влюбилась, иначе бы видела вас насквозь. Честно вам скажу, доктор, не знаю, кто из них худшее зло: Сильвия или ее муженек.

Джошуа сдержал улыбку и продолжал внимательно наблюдать за пациенткой. В этот день состоялось ее первое настоящее испытание: она впервые после срыва почувствовала себя достаточно сильной, чтобы пойти на собрание пат-паток.

Она была избрана старейшиной их сообщества, если можно так назвать семь женщин примерно одного возраста. Все они получили при крещении имя Патриция и дружили с тех пор, как судьба соединила их в одном классе холломенской школы. В результате все так слилось и перепуталось, что только старшей по возрасту Патти Фейн (или Патти Дрю, как ее звали в девичестве) разрешалось сохранить уменьшительное имя от «Патриции». Хотя пат-патки отличались по характеру, внешности и этнической принадлежности, имена спаяли их в такой конгломерат, который ничто не могло разъединить. Все они поступили в Суортморский колледж, затем удачно вышли замуж за известных преподавателей или сотрудников Чаббского университета. Время шло, а они продолжали раз в месяц встречаться в доме одной из них. Их дружба была настолько крепка, что ее не могли поколебать ни мужья, ни дети, которые воспринимались сообществом как вспомогательные силы.

Патти Фейн (или, как доктор Джошуа Кристиан мысленно ее называл, пат-патка номер один) стала его пациенткой месяца три назад. Ее охватила жесточайшая депрессия после того, как она узнала о своей неудаче в отделе лотерей Бюро второго ребенка. Ей выпал синий шар. Катастрофа усугублялась тем, что ей шел тридцать четвертый год и она лишалась права состоять в списках матерей на рождение второго чада. К счастью, пробившись сквозь симптомы срыва, психиатр сумел увидеть в ней сердечную, здравомыслящую женщину, поддающуюся доводам рассудка, и направить ход ее мыслей в более положительное русло. Как случалось с большинством его пациентов, ее горести были не выдуманными, а реальными. Такие беды лечатся убеждением и укреплением душевных сил.

– Господи, я же открыла ящик Пандоры, когда сообщила им, отчего у меня нервный срыв! – продолжала миссис Патти Фейн. – Не понимаю, почему женщины скрывают, что подают в Бюро заявление на разрешение родить второго ребенка! Любая из пат-паток еже-

годно пишет такую бумагу. Но разве хоть одна признается? Ни за что! И вот что удивительно: почему ни одной из нас так и не выпал красный шар?

– В этом как раз ничего удивительного нет, – мягко ответил доктор Кристиан. – Шансы в лотерее Бюро второго ребенка десять тысяч к одному, а вас, насколько мне известно, всего семь.

– Мы все обеспечены и с тех пор, как вышли замуж и родили первого ребенка, проходим проверку имущественного положения и медицинские осмотры. Плюс долгие годы попыток.

– Тем не менее шансы против вас.

– Были до сегодняшнего дня. – Патти Фейн слегка помрачнела. – Когда вошла Марг Келли, я заметила, что она страшно довольна собой. Но все главным образом интересовались, что приключилось со мной, как я себя чувствую, удивлялись моему душевному состоянию – этому новому согласию с собой и стойкости… – Патти улыбнулась и с теплой, искренней благодарностью посмотрела на доктора Кристиана. – Если бы я тогда не подслушала во Фриндли, как две женщины говорили о вас, не знаю, что бы с собой сделала.

– Вы упомянули Марг Келли, – напомнил Джошуа.

– Ей выпал красный шар.

Он вся понял. Он мог бы рассказать Патти, что за этим последовало, но только кивнул, поощряя пациентку изложить свою версию случившегося.

– Боже! Кто бы поверил, что женщина способна настолько быстро измениться! Мы сидели за столом, пили кофе и вели те же разговоры, что и много лет подряд, и вдруг Синтия Каваллери бросила взгляд на Марг и спросила, отчего она радуется, словно кошка, которая добралась до сметаны. Та ответила, что получила из Бюро письмо с разрешением завести второго ребенка. Она достала из сумочки стопку бумаг – каждая страничка, судя по всему, была нотариально заверена и скреплена большой официальной печатью. Думаю, Бюро приходится соблюдать осторожность, чтобы исключить подделку разрешений…

Патти Фейн замолчала и представила себе сцену, разыгравшуюся в гостиной Синтии Каваллери. Поежилась, избавляясь от воспоминаний.

– Все замерли. В комнате и без того было холодно. Но тут, готова поклясться, температура в долю секунды упала ниже ноля. Затем со стула вскочила Дафна Чорник. Никогда не видела, чтобы она двигалась с таким проворством. Только что сидела и вот стоит рядом с беднягой Марг и вырывает из ее рук документы. Ничего подобного я от Дафны не слышала. Она всегда была среди нас эдаким недоразумением – я имею в виду ее походы в церковь и призывы к добрым поступкам и делам. Приходилось следить за своим языком, если она была рядом. Теперь же она рвала в клочья бумаги Бюро и при этом обвиняла Натана Келли, что он все подстроил через Вашингтон, поскольку сам он президент Чабба, а его предки приплыли в Америку на «Мейфлауэр». Потом заявила, что разрешение должно было достаться ей – ведь она воспитает второго ребенка, как свою первую Стаси, в страхе Божьем и любви к Всевышнему, а у Марг и Натана вырастет безбожник. Сказала, мы живем как грешники и нечестивцы, не чтим законов Божьих и наша страна не имела права подписывать Делийский договор, а она не понимает, как Господь попустил, чтобы его духовные наставники поддержали эту сделку. Тут из нее посыпалась такая грязная брань – я даже не могла представить, что ей известны подобные слова. Обзывала Гуса Рома, папу Бенедикта, преподобного Ливона Нокса Блэка.

– Интересно, – проговорил доктор Кристиан, почувствовав, что пациентка ждет его реакции.

– Затем вскочила Кэнди Феллоуз и накинулась на Дафну: кто дал ей право критиковать Гуса Рома, величайшего президента всех времен? Кричала, что презирает лицемеров, которые по воскресеньям распевают гимны, мусоля пальцем Библию, и, ползая по полу, проти-

рают колени, но стоит им выйти из церкви, гнобят ближних, чтобы заработать лишний доллар или подняться на ступеньку вверх. Я уж подумала, что Дафна и Кэнди выцарапают друг другу глаза.

– Выцарапали?

– Нет! – Патти Фейн гордо распрямилась. – Я их остановила. Можете представить, доктор? Усадила их на стулья и заявила, что они ведут себя, как малые дети, что мне стыдно называться пат-паткой. Вот тут-то все и выплыло на свет: оказывается, каждая из нас ежегодно подавала заявление в Бюро второго ребенка. Я спросила их, что в этом такого постыдного и что такого постыдного, что им всегда отказывали? Спросила, какое они имели право вымещать свое разочарование на бедной Марг? Или на Августа Роме и религиозных лидерах. Сказала, чтобы они раз и навсегда выбросили из головы, что кто-то способен манипулировать Бюро. Напомнила, что сама Джулия Рис не может получить разрешения на рождение второго ребенка. Почему бы нам не порадоваться за Марг? А Марг успокоила, сказала, чтобы она не плакала, и попросила разрешения стать крестной ее ребенку.

Последние слова Патти произнесла с нескрываемым торжеством и сидела с таким видом, словно удивлялась, насколько сама довольна собой и своей проявленной во время размолвки твердостью.

– Вы вели себя великолепно, – похвалил ее доктор Кристиан. – И теперь у вас больше нет необходимости меня посещать. – Он говорил уверенно и с явной гордостью.

«Насколько этот человек выше всех остальных, – думала о нем Патти Фейн. – Сегодня я даже не пыталась объяснить пат-паткам, что он для меня сделал. Всякий раз, как только начинала говорить, выходило как-то не так. Бесполезно! Он заботлив. Вот что, наверное, важнее всего прочувствовать в человеке. Это невозможно увидеть, рассказать, объяснить тем, кто смотрит на него со стороны. Это надо открыть для себя. И почему психиатры вроде Мэтта Стрингмана считают неправильным, если врач советует больным опереться на Бога? Считают самих себя богами? Или им не нравятся мысли доктора Кристиана о Всевышнем?»

– Я привела с собой Марг Келли, – сказала она вслух.

– Зачем?

– Решила, что ей необходимо побеседовать – требуется хороший разговор, но не со стариной Натаном, упаси Боже, а с кем-то, кто увидит ее проблему со стороны. Сегодня она испытала страшное потрясение. Не думаю, что она вообще представляла, каковы могут быть последствия рождения второго ребенка. Ей, наверное, казалось, что мы все будем без ума от счастья за нее.

– В таком случае, Патти, она живет, зарывшись головой в песок.

– Так и есть. В этом ее главная проблема. Она жена президента Чабба. Живет в большом доме, имеет слуг, у них постоянно в распоряжении машина, на прошлой неделе она обедала в Белом доме, за неделю до этого – в особняке Грейси[1]. Все ее контакты с внешним миром происходят только через пат-паток, а мы, хоть и не в ее весовой финансовой категории, гораздо лучше остального мира. Поэтому я решила: Марг должна с вами поговорить – это может ей помочь.

Джошуа подался вперед:

– Патти, вы способны дать откровенный ответ на каверзный вопрос?

От серьезного тона психиатра ее эйфория поубавилась.

– Постараюсь.

– Если бы Марг Келли спросила у вас, должна ли она продолжить свою затею и зачать второго ребенка, на которого получила разрешение, что бы вы ей сказали?

[1] С 30-х гг. XX в. служит резиденцией мэра Нью-Йорка. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Этот вопрос причинил ей боль, но время, когда Патти сидела в своей комнате, уставясь в стену, и размышляла, как бы вернее себя убить, осталось позади. И что самое важное, те дни больше никогда не вернутся.

– Я бы посоветовала ей рожать.

– Почему?

– Она хорошая мать Гомеру, и ее мир достаточно изолирован, чтобы в нем не накапливалось слишком много злобы.

– Допустим. А что, если бы на месте Марг оказалась Дафна Чорник?

Патти нахмурилась:

– Не знаю. Мне казалось, что Дафна была для меня открытой книгой, но сегодняшний день стал откровением. Поэтому я просто не могу дать вам ответ.

Джошуа кивнул:

– А что, если бы счастливицей оказались вы сами? Что бы вы решили после того, как перенесли срыв и стали свидетельницей сегодняшней реакции пат-паток?

– Знаете, мне кажется, я могла бы себе сказать: порви-ка ты эти бумаги. У меня все неплохо в жизни – хороший муж, сын прекрасно успевает в школе. И если честно, не представляю, как бы я перенесла ситуацию. Вокруг много людей вроде Дафны Чорник.

Психиатр вздохнул:

– Отведите меня к Маргарет.

– Но она уже здесь.

– Я имею в виду: пойдемте со мной в приемную и познакомьте меня с вашей подругой. Она знает вас, но не знает меня. Поэтому не может доверять мне, как доверяете вы. Станьте мостиком к нашему знакомству и доверию.

Мост оказался очень коротким. Взяв Патти за руку, Джошуа спустился в приемную и направился к поникшей в углу на стуле бледной красивой женщине.

– Дорогая, это доктор Кристиан, – представила его Патти Фейн.

Джошуа ничего не сказал, только протянул Марг Келли руки. Она машинально вложила свои руки в его и лишь после этого удивилась, что физическое прикосновение стало свершившимся фактом.

– Дорогая, – улыбнулся ей психиатр, – вам нет надобности ни с кем разговаривать. Возвращайтесь домой и заводите ребенка.

Марг поднялась, улыбнулась и ответила быстрым крепким пожатием:

– Хорошо.

– Вот и славно.

Джошуа выпустил ее руки и тут же ушел.

Патти Фейн и Марг Келли вышли через заднюю дверь и направились по улице Вязов к пересечению с Семьдесят восьмой, где ходили автобусы и трамваи. Автобус северного городского маршрута уже ушел, и им пришлось минут пять подождать – зимой интервалы свыше пяти минут были редкостью.

– Какой удивительный человек, – начала Марг Келли, когда они спрятались под защитой трехметровой стены из слежавшегося снега.

– Почувствовала? Ты в самом деле почувствовала?

– Словно удар электрического тока.

Покончив с делами в сорок седьмом, доктор Кристиан вернулся на кухню и разговаривал у плиты с матерью, когда вошли два его брата с женами и сестра.

Сестра Мэри по возрасту была ему ближе других. В тридцать один год все еще старая дева, она была похожа на мать, но при этом некрасива. Какой-то в ней изъян, подумал Джошуа. Всегда была с червоточинкой. Может быть, оттого, что рядом с ней такая красивая

мать? Если посмотреть на маму, а затем перевести взгляд на Мэри, кажется, что видишь мать в слегка искривленном зеркале. В девушке ощущалась какая-то обманка, словно яйцо-болтун. Так было раньше и, наверное, останется навсегда. Но к больным (Мэри была в их клинике секретарем) она относилась с чуткостью и удивительной добротой, и ничто не могло вывести ее из равновесия.

Средним ребенком считался Джеймс – Мэри была единственной дочкой, и то, что она родилась девочкой, как бы освобождало ее от порядкового номера. Джеймс тоже был похож на мать, но, как и Мэри, казался каким-то невзрачным, неярким, невыразительным. Его рослая и бойкая жена Мириам отличалась здоровым энтузиазмом, из нее ключом била энергия и веселый жизненный прагматизм. Квалифицированный трудотерапевт, она, по всеобщему мнению, была опорой клиники и хорошей парой для Джеймса.

А вот Эндрю получился настоящим красавчиком – в младшем сыне воплотилось все лучшее, что было в матери. Он был ее копией, только в мужском обличье: прекрасный, как ангел, и твердый, как скала. Его жена Марта, техник отдела психологического тестирования клиники, была на семь лет моложе его и такой серой мышкой, что к ней прилипло прозвище Мышь. Мышиной масти, очень миленькая, робкая и нервная, как мышонок. Иногда на Джошуа накатывало странное настроение, и он воображал себя – нет, не кошкой – а огромной парой рук, которые вот-вот хлопнут в ладони, чтобы оглушенная до полусмерти девушка застыла на месте.

– Бараньи ножки, мама? Это просто супер! – Мириам была англичанкой и отличалась изысканностью речи и манер. В семье Кристиан она вызывала некоторый трепет не только тем, что была врачом с мировой славой, но и своими лингвистическими способностями. Она говорила по-французски, по-немецки, по-итальянски, по-русски и по-гречески. Но любимым ее трюком стало изображать американцев. Однако в семье ее настолько любили и ценили, что никто не решался сказать, что ее шутка уже никого не веселит.

Все это, конечно, заслуга мамы. Это она создала эффективное, самодостаточное сообщество, которое стало опорой ее первенцу – самому любимому сыну. Джошуа понимал: какое бы занятие он ни выбрал в жизни, мама направила бы по такому же пути Джеймса, Эндрю и Мэри, чтобы они ему помогали. Промывка мозгов младших сыновей была настолько успешной, что сказалась даже на их выборе жен. Они взяли в супруги женщин достаточно образованных, чтобы те могли поддержать семейное дело и стать членами команды. Клинике не хватало врача-трудотерапевта, и Джеймс женился на специалисте нужного профиля. Требовался ассистент психологического тестирования – им стала жена Эндрю. Обе женщины согласились играть вторые роли после свекрови и не возмущались тем, что их мужья также довольствуются вторыми ролями, уступив первенство Джошуа. Мэри тоже никогда не роптала, что ей приходится выполнять черновую работу – даже после того, как Джошуа как-то предложил ей устроить против матери бунт.

Заметь он признаки недовольства, ему пришлось бы жестко обойтись с матерью – ради тех, кого он считал скорее своими детьми, чем братьями и сестрами. Он знал недостатки матери: ей не хватало мудрости и дара предвидения. Но семья победила его без единого сражения: не было ни трений, ни раздоров, способных омрачить всеобщую неподдельную радость от работы и общения друг с другом. И смущенный, но благодарный Джошуа согласился с положением, которое отвела ему мать – главы семьи и руководителя семейного предприятия.

Они сели есть в гостиной – мама в конце овального лакированного стола и, соответственно, ближе всех к двери на кухню. Джошуа – во главе, откуда обозревал ее, Мэри, Джеймса и Мириам по одну сторону и Эндрю с Мартой – по другую. Мать давно установила правило: никаких деловых разговоров до того, как не съедено главное блюдо и не подан кофе

с коньяком. Это правило скрупулезно соблюдалось, но в результате за столом возникали продолжительные паузы – ведь, за исключением матери, все работали рядом, буквально за стеной, и кроме этих двух домов – тысяча сорок пятого и сорок седьмого по Дубовой улице – больше почти ничего не видели. Позитивное отношение к жизни стало ключевым кодом их настроя, и поэтому почти всегда исключались любые споры на тему внешне– и внутриполитических событий, а также происшествий в городе. Новости были слишком депрессивными, если только не удавалось одолеть какую-нибудь веху на пути к гармонизации мировой энергетики человечества. Такое событие всегда встречалось радостными возгласами.

Кристианы ели с аппетитом – все, что стояло на столе, было очень вкусным. Мама была настоящим художником на кухне и изо всех сил стремилась угодить своему выводку. В этом смысле труднее всего ей приходилось с Джошуа. Старший сын разочаровывал своим безразличием к физическим потребностям, не говоря уже об удобствах и капризах. Нет, он не был ни мазохистом, ни монахом, просто не слишком обращал на это внимание.

Кофе и коньяк подали в гостиной – соседствующей со столовой просторной комнате, куда вел красивый широкий арочный проход. Они расположились вокруг бледно-розового лакированного стола, откуда можно было лучше всего оценить, что представляет собой первый этаж дома десять сорок семь по Дубовой улице.

Стены были атласно-белыми, без признаков оконных проемов, скрытых плотно пригнанными друг к другу древесными плитами, умело втиснутыми между обоев, словно крышки люков. Обналичка снята и больше не напоминала о том, что невидимо находилось внутри шесть месяцев в году. Пол из пластикокерамических плиток в том месте, где сидели люди, был покрыт белыми синтетическими ковриками, имитирующими овчину. Все соглашались, что настоящие шкуры были бы красивее, но при том, сколько воды расплескивалось здесь по воскресеньям, они быстро бы загнили. Розовые и бледно-зеленые чехлы на диванах и стульях отражались в лакированной поверхности столиков тех же цветов.

Повсюду были растения – в горшках, кадушках, корзинах – буйные, сочные растения, в основном зеленые, но также розовые, красные, бордовые. Они стояли на белых подставках разной высоты, свешивались вниз пенными каскадами, торчали вверх как штыки, деликатно простирали вокруг себя ветви. Каждый лист, отросток, былинка, цветик и усик переливались под струящимся сквозь плексигласовый потолок сияющим белым светом. Пальмы, папоротники, бромелиады, протеи, орхидеи, кустики, лоза, ползучие, луковичные, клубнелуковичные, растения со стелющимися корнями, карликовые деревья. Весной большинство растений буйно расцветали – длинные шипы цимбидиев перемежались с веретенцами гиацинтов, соцветиями нарциссов, двадцатью сортами украсившейся лепестками бегонии, цикламенами, глоксиниями, африканскими фиалками. Мимоза в кадке опушалась золотистыми шариками на всю трехметровую высоту ветвей. Дом наполнялся ароматом цветущих апельсиновых деревьев, лобулярии, стефанотиса, жасмина и гардении. Летом распускался гибискус и цвел всю осень до начала зимы. К нему присоединялась медно-розовая бугенвиллея, ползущая по решетке на стене гостиной. Цветение прекращалось лишь в разгар зимы, но листья оставались блестящими и зелеными на фоне разнообразных оттенков листвы нецветущих растений и, казалось, им больше не требовалось ничего иного.

В воздухе постоянно ощущался сладковатый аромат. Сад доктора Кристиана был составляющей дыхательного симбиоза, где второй составляющей был человек. Одни питались углекислотой, другие кислородом, и каждая сторона вдыхала то, что выдыхала другая. На первом этаже было всегда теплее, чем там, где размещались спальни – растения согревали атмосферу, как и на первый взгляд холодное, никогда не выключавшееся освещение. Этот этаж съедал почти всю драгоценную норму потребления электричества и всю крохотную норму потребления газа на отопление, который припасали на холодные периоды – только

так можно было сохранить сад. На этом этаже семья проводила все часы бодрствования, а наверх поднимались только для сна.

Воскресенья посвящались уходу за растениями: их поливали, подкармливали, замазывали раны, избавляли от сухих веток и вредителей. Все искренне радовались смене обстановки и, видя вокруг результаты своего труда, не считали его обременительным. По воскресеньям же сюда возвращали те стойкие растения, которые провели неделю в соседнем доме, в клинике, а их место на временном дежурстве занимали другие.

Сегодня был самый нелюбимый для Джошуа день, потому что полагалось заполнять многочисленные формуляры, чтобы потом отправлять в Холломен, Хартфорд, Вашингтон. Бумаги, бумаги, все больше бумаг – приходилось удовлетворять все возрастающий аппетит чиновников. В этот день следовало расплатиться по счетам и привести в порядок документы. Обычно в День Искупления, как он его называл, доктор Джошуа в клинику не ходил, но сегодня удачно завершил кризис пат-паток, и он хотел выслушать, что о нем думают собравшиеся в гостиной.

Мать поставила перед ним чашку кофе, Джеймс передал бутылку бренди. Джошуа был равнодушен к еде, даже к той, что готовила мать. Но сейчас, закрыв глаза и вдыхая аромат «Наполеона», он подумал, что хороший кофе с коньяком способен прогреть человека от пупка до самой макушки. В нынешние времена это самая лучшая прелюдия к отходу ко сну, и, видимо, поэтому дижестив стал привычкой, а от аперитива постепенно отказались. Их прадед и дед с отцовской стороны были поставщиками французских вин и коньяков и большими любителями этих напитков. При них в подвале накопилась впечатляющая коллекция спиртного. Вина, конечно, пропали: в подвале не могли поддерживать необходимую постоянную температуру, а для вин пагубно и когда слишком холодно, и когда слишком жарко. Но коньяк сохранился. И хотя ледник надвигался на Канаду, Россию и Скандинавию с угрожающей быстротой, Франция все еще умудрялась производить коньяк, и коллекция Кристианов пополнялась. Вино теперь мало пили в семье, однако коньяк ценили высоко.

– Наша пат-патка Патти была на высоте, – сказал Джошуа.

– Еще на какой! – с гордостью подхватила Мириам.

– Я ее выписал из клиники.

– Правильно. Она тебе не сообщила, что они с мужем собираются подать заявление на переселение? Боба Фейна давно зовут в Техасский сельскохозяйственный и машинный колледж, но он прилип к Чаббу. Они никак не решались на это по вполне обывательским причинам: только крысы бегут с тонущего корабля, их пугал страх неизвестности. К тому же считается, что кто начинал в Чаббе, навсегда останется чаббцем: янки не доверяют ни одной области, кроме Новой Англии. И еще Патти страшилась стать первой пат-паткой, которая покинет Холломен и расколет компанию. – Эндрю произнес все это спокойным, размеренным тоном, совершенно не вязавшимся с его юной привлекательной внешностью.

– Пат-патки меня поражают, – заговорил Джеймс. – Редко, когда узы дружбы в группе женщин превалируют даже над их семейными узами. Слава богу, что одна из них сумела достаточно отстраниться и оценить, что собой представляет их компания. Переезд навсегда – это верный способ освобождения. Удивляюсь, что до сих пор никто из мужей не подумал, что переезд может решить проблему пат-паток.

– Переезд – решительный шаг, – веско заметила Мэри. – Не могу никого осуждать за то, что они колеблются. Прибавьте к этому, что все они чаббцы, связаны контрактами, привыкли к своей работе.

Доктор Кристиан не позволил увести себя от темы и ответил не им, а младшему брату:

– Нет, Дрю, она мне не говорила, что они подали заявление на переезд. Рад за нее – давно пора поставить нужды и интересы семьи выше своих отношений с пат-патками. Она признается, что ей страшно стать первой, кто разрушит их компанию?

– Да. Честно и открыто. Но за нее теперь нечего беспокоиться. Известие о том, что Маргарет Келли получила разрешение родить второго ребенка, сорвало кое с кого маски. Это помогло Патти решиться: она поняла, что лига пат-паток должна была естественно распасться после колледжа, если не после школы.

– Они всего лишь пытались продлить юность, – заявила Мэри. – В наше время быть взрослым не слишком приятно.

– Мне искренне нравится Патти Фейн, – внесла неожиданную лепту в разговор Марта.

Доктор Кристиан подался вперед и улыбнулся, глядя в ее большие серые глаза, приковывая к себе ее взгляд. Он с детства обладал способностью навязывать свою волю другим и заставлять ничего не подозревающих людей неотрывно смотреть на себя.

– А тебе, Мышонок, разве не нравятся все наши пациенты? – В его голосе прозвучал упрек.

Не в силах сопротивляться, Марта виновато покраснела.

– О да! Разумеется! – выдохнула она.

– Перестань дразнить Мышонка, Джош, – упрекнула брата Мэри, всегда готовая встать на защиту Марты.

– Надо же, – не переставал удивляться Джеймс, – ни одна из этих псевдосестер не признавалась другим, что каждый год подает заявление на разрешение родить второго ребенка. Это только лишний раз доказывает, насколько женщины скрытничают, если речь идет об их отношениях с Бюро.

– Да, Джеймс, стоит вспомнить о мизерных шансах на успех и о процедуре проверки нуждаемости, и Бюро начинает казаться воплощением вины.

Доктор Кристиан развил бы тему – не в первый раз, – но не успел: опередила мать, поспешившая высказать, что наболело у нее на душе. Ее связь с клиникой не ограничивалась выслушиванием вечерних разговоров. Доктор Джошуа приводил сюда на экскурсию пациентов – хотел, чтобы они увидели, во что можно превратить помещение, которое долгими зимними месяцами лишено естественного света, почти не отапливается и не проветривается.

– Это Бюро просто отвратительно. – Мать едва сдерживала слезы. – Разве эти бессердечные мужики из Вашингтона знают, что нужно женщинам?

– Мама, мама, почему ты упорно твердишь одно и то же? – раздраженно спросил Кристиан. – Должна знать, это их работа. И почему обязательно мужики? А если даже мужчины, разве мужчинам легче, чем женщинам, терпеть навязываемую бездетность? Разве пациенты моей клиники только женщины? Соотношение мужчин и женщин пятьдесят на пятьдесят. Бунтовать против судьбы – это не решение. Бюро второго ребенка – это подачка, которую нам бросили в обмен на то, что мы, не сопротивляясь, подписали Делийский договор, и, по-моему, самое худшее, что мы получили в этом жалком, унизительном десятилетии. Ты должна все помнить гораздо лучше меня – я был тогда ребенком, а ты взрослой женщиной.

– Август Ром нас предал. – Она стиснула зубы.

– О, мама! Мы сами себя предали. Послушать, что говорят люди твоего поколения, так все случилось, словно гром среди ясного неба. Ничего подобного! Мы пожинаем то, что было посеяно Гусом Ромом и Делийским договором. Девяносто лет назад наше население достигло ста пятидесяти миллионов человек, мы были на пике мощи и гордости. У нас было все. И как мы поступили? Мы расшвыривались деньгами так, словно это были вышедшие из моды вещи, а мир нас за это ненавидел. Предлагали людям на земле вести такой образ жизни, на какой у них не было ни средств, ни таланта, и они нас за это невзлюбили. Держали наши технологии на самом высоком уровне, и это тоже возмущало остальных. Вели войны за границей во имя свободы и справедливости, и за это нас тоже ненавидели – даже те, за кого мы сражались. Не скажу, что эти войны были всегда альтруистическими, но наши бездельники в это верили. И пока мы продолжали обманывать себя вышедшим из употребления

образом мыслей – о войне и об альтруизме, – в то же время сделали все, чтобы перестать бороться за свою веру, чернили прошлое, сделали из религии посмешище, загоняли людей в цифровые дебри.

Джошуа понесло, и диван стал ему тесен. Он вскочил, неловко и все-таки с изяществом разминая свои длинные руки и ноги, и стал прохаживаться по помещению, вовсе для этого не предназначенному. И когда он проходил мимо, трепетали листья растений, дребезжали горшки, раскачивались подставки, а родные неподвижно слушали, завороженные его громовым голосом и блеском глаз. Сестра, оробев и стыдясь за себя, застыла, жены братьев внимали с восхищением, сами братья не находили сил возразить, а мать – ах! – мать смотрела на него, не в силах скрыть торжество. Когда ум и страсть в сыне прорывались одновременно и он начинал говорить, совершалось волшебство – он буквально гальванизировал слушателей. Даже в этом узком кругу близких, кто выслушивал его годами, он обладал властью приковывать к себе внимание.

– Не помню рассвета третьего тысячелетия, поскольку родился на его рубеже. Но что оно нам принесло? Были такие, кто пел хвалу Создателю, готовясь умереть в отсветах второго пришествия, другие распевали осанну технологическому совершенствованию вселенной. Но что мы получили на самом деле? Боль. Беспомощность. Упадок. Вот она, реальность! Она непереносимее всего, что случилось на нашей планете со времен Черной смерти. Земля быстро остывает, Бог знает почему. Кроме него это, похоже, не дано понять никому. Самое правдоподобное объяснение, которое предлагают лучшие умы планеты, – наступила мини-ледниковая эпоха. О, они рассуждают о морских течениях и атмосферных слоях, континентальных плитах и перемене магнитных полюсов, влиянии магнитных солнечных полей и углах земной оси, но все это только слова. Словоблудие – только словоблудие. Нас уверяют, что через несколько десятилетий – а может быть, столетий – наберется столько данных, что мы получим ответ: что и почему. А пока все в руках Божьих. Нас уверяют, что такое состояние долго не продлится, речь идет о тысячелетии или двух – пылинка в глазу вечности. Но то, что творится вокруг, переживет и нас, и многие последующие поколения. Подходящая для жизни территория быстро сокращается. Пригодная для питья вода все больше ограничивается запасами, хранящимися в полярных льдах, а мировое население все еще слишком велико. Мы пленники нового тысячелетия и, как бы ни старались, не можем изменить ситуацию.

Джошуа прервался секунд на десять, и, хотя он специально не рассчитывал паузу, она получилась именно такой, чтобы произвести наибольший эффект. А когда он продолжил, голос его стал глуше и тише, и эта смена настроения еще больше приковала внимание слушателей:

– Не то чтобы мы, американцы, были слишком встревожены. Знали, что мы самый развитой народ на земле и сумеем справиться. Считали, что пояса придется затянуть, но не больше, чем на пару дырочек. Но при этом забыли об остальном мире. А остальной мир сплотился против нас. Восстал, как стена. Позволить Соединенным Штатам расти и приумножать население в то время, как все главные страны были вынуждены принять программы его сокращения? Никогда! Предлагалось такое соглашение: в каждом государстве на четыре поколения вперед семьи только с одним ребенком, а в перспективе – с двумя детьми. Мы выступили против, но оказались в одиночестве. И в решающий момент обнаружили, что не можем противостоять объединившемуся против нас миру. Такую войну мы бы не выиграли даже на пике мощи, и надо посмотреть правде в глаза, в то время мы были уже не так сильны. Растранжирили многое из того, что до этого имели, и главное – дух и несгибаемость людей. Иссушили умы наркотиками, сердца – совокуплением без любви, души – всяким хламом.

Когда границы Евросоюза соединились с границами Арабосоюза, не оставалось ничего иного, как сесть за стол переговоров в Дели.

В голосе Джошуа зазвенели печальные нотки, все, что было в нем взрывного, исчезло. И не вернулось бы, если бы так пожелала мать – женщина, безошибочно знающая, как подхлестнуть сына.

– Никогда не соглашусь, что дилемма была такова: либо подписывать договор, либо погибать, – возразила она. – Старик Гус Ром продал нас за Нобелевскую премию мира.

– Мама, ты типичный представитель своего поколения. Почему ты не хочешь признать, что вам нанесли удар по самолюбию, вас унизили, вы потеряли лицо? Так было, было, было! Зато моему поколению выпало все собирать по кусочкам и свято хранить то, чем Америка была в прошлом и что поможет ей возродиться в будущем. Пострадала твоя гордость. А у меня гордости нет. Зачем же мне ломать голову, правильно ли поступил Гус Ром, подписав Делийский договор и не втянув нас в войну, которую мы не могли выиграть? Мне это совершенно ни к чему!

Мозг Джошуа готов был взорваться и вырваться из черепа. «Спокойней, спокойней, Кристиан!» Он сжал лицо прохладными ладонями и, раскачиваясь, потирал его до тех пор, пока не перестали бугриться под кожей на висках вены. Тогда, уронив руки, он снова принялся расхаживать по комнате, но не так порывисто, а его темные глаза сверкали в провалах глазниц.

Внезапно Джошуа остановился и повернулся ко все еще завороженным его словами родным.

– Почему это должен быть я?

Ему никто не ответил, и он сам не нашел ответа на свой вопрос. Этот вопрос он начал задавать совсем недавно – в последние недели, – и родные все еще не могли понять, что он имеет в виду. Но замечали, что с каждым вечером он все более отходит от абстрактного и сосредотачивается на личном.

– Почему же я? – вопрошал он. – Я живу в Холломене, но разве Холломен – это центр мироздания? Нет! Холломен такая же жалкая старая индустриальная дыра, как тысяча других, из которых сыплется песок и им одно место – в общей могиле, где их зароет бульдозер будущего и на их месте вырастут леса. Нам твердят, что у нас есть еще несколько столетий, прежде чем ледник сметет деревья с лица земли. Довольно времени для лесов. Но когда-то – ах это когда-то! – Холломен производил рубашки, давал миру ученых, выпускал пишущие машинки, оружие, скальпели и струнную проволоку. Поощрял знания, укрывал одеждой тела, распространял идеи, не чурался преступлений, боролся с раком, давал простор музыке. Холломен – средоточие всего, что достиг человек на рубеже третьего тысячелетия. И поэтому, не исключено, город подходит для того, чтобы был избран один из его жителей.

Никто не знал, что на это ответить, но трое все же попытались.

– Мы с тобой, Джош, – тихо проговорил Джеймс.

– На все сто, – добавил Эндрю.

– И да смилостивится над нами Господь, – заключила Мэри.

– Иногда мне кажется, что он вовсе не человек, – пробормотала Мириам, стуча зубами. Готовясь лечь в постель, она сняла с себя один за другим несколько слоев одежды и натянула теплый комбинезон.

Джеймс уже лежал в кровати, согревая ноги о бутылки с горячей водой.

– О, Мири, ты знаешь его много лет и можешь так говорить? Джошуа самый человечный из всех людей, кого я только встречал.

– Но уж как-то не по-человечески, – не отступала Мириам. А затем спокойно добавила: – Он изменился к худшему. Этой зимой в нем произошли перемены. И теперь он напрямую спрашивает, почему это должен быть он.

– Нисколько не к худшему, наоборот, становится лучше, – сонно возразил муж. – Мама утверждает, что он вступает в самую силу.

– Не знаю, кто меня больше пугает: Джошуа или мама. Поэтому повторю за Мэри: «Да сжалится над нами Господь!». Джимми, малыш, где ты? Обними меня, я так замерзла.

Мышка Марта пробралась на кухню, опасаясь, что может встретить там все еще властвующую мать. Она каждый вечер терпеливо ждала, пока не убеждалась, что та сложила скипетр и царственно поднялась по лестнице, и тогда совершала набег на кухню, где готовила горячий шоколад, который любил пить, забравшись в постель, Эндрю.

Сначала она решила, что тень на стене принадлежит свекрови, и ее сердце бешено заколотилось, затем замерло и куда-то провалилось.

Но тень оказалась Мэри, а сама она стояла у плиты с кастрюлькой молока.

– Не уходи, малышка, – нежно проговорила Мэри. – Побудь со мной, и я приготовлю тебе шоколад.

– Нет, нет, не беспокойся, я сама все сделаю – правда.

– Какое может быть беспокойство, если я все равно делаю для себя? А Дрю неплохо бы для разнообразия спускаться сюда самому. Пусть подождет, ему на пользу. Ты, Мышка, совершенно его избаловала, как и мать.

– Нет, нет, я сама вызвалась, правда!

– Послушай, дорогая, почему ты всегда такая напуганная? – Мэри улыбнулась булькающей кастрюльке, добавила шоколадного порошка, помешала шоколад и, выключив газ, продемонстрировала, что предвидела приход Марты и приготовила напитка не на одну, а на три кружки. – Ты такая прелесть. – Она поставила две кружки на маленький поднос. – Слишком для нас хороша. Тем более для Эндрю. А наш Джошуа в итоге сотрет тебя в порошок.

При упоминании волшебного имени маленькое, кроткое личико осветилось.

– О, Мэри, разве он не великолепен?

Как только эта восторженная похвала прозвучала, все воодушевление Мэри улетучилось.

– Да, конечно, он именно такой.

Тон, которым это было сказано, не ускользнул от Марты, и ее лицо затуманилось.

– Я часто задаю себе вопрос… – Она оробела и замолчала.

– Какой?

– Ты что, не любишь Джошуа?

Мэри вздрогнула и посуровела:

– Я его ненавижу.

Мать волновалась: этой зимой Джошуа стал другим. Более живым, увлеченным, уверенным в себе. Более мистическим. Зрелым. Должно быть, все дело в зрелости. Ему тридцать два года – он почти достиг возраста, когда мужчина или женщина сплетают последние нити, связывающие мозг и руки в единое целое. Джошуа, как и его отец, поздний цветок. «О, Джо, почему ты умер? Ты, наконец, стал самим собой и был готов на большие дела. Но как это характерно для тебя: тебе не хватило здравого смысла завернуть в придорожное кафе, чтобы не замерзнуть в пути».

Только с Джошуа подобного не случится. Потому что в нем было больше, чем в его отце. И взял он это не только от него, но и от нее, в чем было его огромное преимущество.

И она еще достаточно молода, чтобы служить ему поддержкой. Впереди у нее еще годы и годы труда. А также не израсходованная сила духа.

Со своей постелью она управлялась не менее умело, чем с остальным домом. Самое первое дело – грелка с горячей водой, она заливала ее крутым кипятком, и пусть говорят, что пробка может потечь, она заворачивала ее как можно крепче, а затем продевала в петлю ручку от ложки и делала еще пол-оборота. Заворачивала грелки в толстое полотенце, в два слоя, и между кожей и обжигающей резиной получалась махровая прослойка, а для верности детские булавки скрепляли ткань. Грелка укладывалась ближе к изголовью, где находились плечи, и накрывалась подушкой, на которую натягивалось одеяло. Через пять минут грелка перемещалась ниже, а подушка оставалась на месте; и так каждые пять минут до тех пор, пока не оказывалась там, где будут находиться ноги. В этот момент она снимала шерстяную кофту, свитер, юбку, нижнюю юбку (брюки она терпеть не могла и носила только тогда, когда выходила из дома), майку, длинные шерстяные рейтузы, колготки и бюстгальтер и со сноровкой угря – в этом движении не было ничего от женщины среднего возраста – проскальзывала в ночную рубашку, которую надевала наперекор холоду. Байковый комбинезон она бы ни за что не надела – ужасная вещь, – так же как и теплые панталоны. Хотя даже самой себе она не хотела признаться, что просто теперь в холодную погоду ей все чаще требовалось в туалет. А ночной комбинезон можно запачкать, возясь с застежками.

Последней задачей было откинуть одеяло ровно настолько, чтобы юркнуть в постель и одновременно повернуть подушку теплой стороной вверх. И оказавшись в кровати, греться, греться, греться. Самая большая роскошь дня – соприкоснуться с осязаемым теплом. Она бездумно лежит на вершине блаженства, ощущая, как тепло просачивается сквозь кожу и проникает в плоть и кости, и при этом радуется, как девчонка, впервые попробовавшая мороженое. Затем одетой в вязаный носок ногой медленно подтягивает грелку вверх, пока она не оказывается у груди, лучистое тепло согревает тело, и она обнимает грелку до самого утра. Однако и проснувшись, находит ей применение: умывается чуть теплой водой.

Да, Джошуа наконец входит в силу; ее старший сын – великий человек. В тот самый момент, когда она почувствовала, что зачала его, поняла, что, сколько бы ни родила еще детей, он ее единственный. И поэтому подчинила и свою жизнь, и жизнь его братьев и сестры единственной цели – помочь ему осуществить свое предназначение.

После смерти Джо ей стало трудно. И не потому, что не хватало денег: у семьи мужа были деньги, и она получила свою долю. Но теперь ей пришлось играть роль и матери, и отца. Однако в итоге все разрешилось, и большая часть отцовских забот исчезла, когда она почти сразу переложила роль главы семьи на Джошуа. А тот, благодаря этому, быстро развивался, ощутив себя не мальчиком, а мужчиной. Ее первенец не отказывался от ответственности. И не жаловался на судьбу.

На втором этаже (который он делил с матерью и сестрой, предоставив верхний женатым братьям) Джошуа Кристиан готовился лечь в постель. Мать оставляла на кровати грелку с горячей водой, но он, забираясь под одеяло, равнодушный к теплу в ногах, сбрасывал ее на пол, хотя в тридцатиградусный мороз, просыпаясь, обнаруживал, что волосы примерзли к ткани подушки. Он надевал теплый комбинезон и носки ручной вязки, но к ночному колпаку так и не привык и спал настолько беспокойно, что матери пришлось соорудить из простыней что-то вроде спального мешка, у́же и теснее тех коконов с начесом, в которых спала их семья и вся остальная Америка.

Надо же было кому-то все объяснить – этим заблудшим, напуганным людям в новом трусливом мире. Если вам не дано растить детей, выращивайте зимой в горшках цветы, а летом овощи, находите занятие для рук и тренируйте мозги. И если бог вашей веры больше не соответствует вашему пониманию мира, найдите в себе силы отыскать собственного бога.

Не тратьте время на горе. Не ругайте центральное правительство, у которого не было выбора, помните, что этот выбор был вынужденным. Вы можете выжить, а вместе с вами выживет вся Америка, если привьете детям будущего этику и мечту, им пригодную. Не желайте того, что матери и бабушки имели в достатке, а прабабушки в избытке. Один ребенок несказанно лучше, чем ни одного. На сто процентов лучше, чем никакого. В нем одном любовь, в нем одном красота. Один совершенный стоит сотни генетически ущербных. Один, один, один…

II

Снег потихоньку сыпал, но не настолько сильно, чтобы дороги стали скользкими и это помешало бы автобусному сообщению. Температура колебалась выше ноля – на улицу выходить не страшно.

Закутанная в меха доктор Джудит Кэрриол сидела в середине неотапливаемого автобуса. В мехах было жарко, но они служили защитой от мужчины, который крепко прижимался к ее бедру. Приближалась ее остановка. Она протянула руку, чтобы дернуть за шнурок звонка, и поднялась, собираясь дать незнакомцу решительный бой. Но тот не собирался так просто ее пропускать: его рука оказалась под ее меховым подолом, в то время как сам он невинно смотрел вперед. Автобус начал притормаживать. Джудит наткнулась ногой на его ногу и что было сил наступила высоким каблуком на носок его ботинка. Надо отдать мужчине должное: он оказался терпелив и не закричал, только отдернул ступню и отстранился сам. Она обернулась в проходе и насмешливо взглянула на него. Автобус, скрипя тормозами, подъезжал к остановке, и она пошла между сиденьями к выходу.

Ох уж эти автобусы! В них остаешься один на один с такими неприятными типами. Если в пустой салон входит мужчина и садится рядом с единственной пассажиркой, женщина немедленно понимает, что неприятная поездка – это самое малое, что ей предстоит. Жаловаться водителю бесполезно – шоферы предпочитают не замечать таких вещей.

Подозревая, что мужчина в последний момент выскочит из автобуса, Джудит, не двигаясь, с воинственным видом стояла на тротуаре, пока машина, скрипнув негнущейся гармошкой в середине салона, не отъехала от остановки. Незнакомец следил за ней сквозь грязное стекло, и она насмешливо махнула ему рукой. Все, безопасность!

Министерство окружающей среды занимало целый квартал. Автобус высадил Джудит на Норт-Капитол-стрит неподалеку от Эйч-стрит. Однако вход, которым она постоянно пользовалась, находился на Кей-стрит. Следовательно, чтобы добраться туда, требовалось пройти по Норт-Капитол-стрит мимо главного подъезда и повернуть на Кей-стрит.

У главного входа собралась небольшая толпа. Люди увлеченно разглядывали что-то, что лежало в середине, и не обратили на нее внимания – высокую, модную, элегантную. Джудит только покосилась на них, едва отметив про себя, что службе безопасности придется иметь дело с очередным самоубийством. Такие показные акты часто совершались поблизости от министерства окружающей среды: в затуманенном сознании несчастных оно и было виновником всех бед – так пусть тут видят, до чего довели людей. У доктора Кэрриол не было ни малейшего желания разбираться, как окончил жизнь этот человек: перерезал себе горло или вены, отравился ядом или наркотиками, пустил себе пулю в лоб или придумал что-то новое. Ее работа – а ее поручил ей сам президент – состояла в том, чтобы выяснять причины, почему люди приходят к этому приземистому, массивному зданию с целью положить предел своему существованию.

Там, где Джудит входила в министерство, не было многочисленных охранников в форме с множеством телефонов. Кодовый замок ее двери отпирался по голосовой команде – ежедневно меняющейся условленной фразой, которую сочинял один шутник на самом верху. Лично министр окружающей среды Гарольд Магнус. Больше нечем заняться, недовольно думала Джудит, хоть и понимала, что относится к нему с предубеждением. Как все сколько-нибудь значимые служащие их заведения, она считала их титулованного главу бременем на шее министерства. Он был не карьерным чиновником, а политическим назначенцем – пришел с новым президентом и предсказуемо менялся от состояния новой метлы к истрепанному венику – хотя до этого ему еще предстояло доработать. Но пока он неплохо тянул по

одной причине: обладал здравым смыслом, чтобы не мешать профессионалам заниматься своим делом и не вставлять им палки в колеса.

– В глубь беспросветного моря, – проговорила Джудит в спрятанный в стене микрофон.

Замок щелкнул, и дверь отворилась. Идиотизм. Полная чушь. Ни один человек в мире не сумеет подделать ее голос так, чтобы этого не заметил электронный анализатор. Так какого дьявола менять пароль? Джудит было неприятно ощущать, что она марионетка, дергающаяся по малейшей прихоти Гарольда. Но именно поэтому он и настаивал на своем.

Министерство окружающей среды образовалось во второй половине прошлого столетия путем слияния более мелких учреждений, таких как министерство энергетики. Оно стало детищем наиболее выдающегося президента США Августа Рома, который так ловко управлялся с народом и обеими палатами, что четыре раза подряд получал мандат на руководство страной. Он возглавлял США в наиболее неприятные моменты истории: когда британцы вступили в Евросоюз, в период бескровных переворотов левого толка, после которых вся Азия оказалась под коммунистическим зонтиком, во время подписания Делийского договора и всего того, что затем последовало внутри страны. Были такие, кто утверждал, что он продал народ. Другие заявляли, что благодаря его действиям страна смогла сплотиться и сохранить влияние хотя бы в западном полушарии. В последние двадцать лет все государства в этом полушарии от полюса до полюса тянулись к Штатам, хотя злые языки говорили, что у них просто не было иного выхода. Нынешнее здание министерства было построено в 2012 году, после чего в него переехали разбросанные по всему городу службы. Оно стало самым большим из всех федеральных учреждений, и лишь в нем одном умели как следует сохранять энергию. Избыток тепла из набитого компьютерами подвала поступал в вентиляционную систему, которая стала предметом зависти других министерств, где, как ни бились, не могли приспособить не рассчитанные к такому обогреву старые здания.

Помещения министерства покрасили в белый цвет, дававший возможность снизить уровень освещения. Низкие потолки экономили пространство и тепло. Совершенная акустика уменьшала вероятность возникновения связанных с шумом неврозов, скучный интерьер напоминал работникам, что они в серьезном учреждении.

Четвертая секция занимала весь этаж по Кей-стрит, и здесь же находились службы самого министра. Джудит легко поднялась на семь пролетов холодной лестницы, миновала множество коридоров и оказалась у еще одной управляемой голосом двери.

– В глубь беспросветного моря.

Сезам открылся. Когда Джудит переступила порог, работа в Четвертой секции, как обычно, кипела. Сама доктор Кэрриол предпочитала заниматься делами по вечерам и редко появлялась до ленча. Ее приветствовали уважительно, но без панибратства. И это было понятно: Джудит не только занимала высокий пост в министерстве, она также возглавляла Четвертую секцию, а Четвертая секция являлась мозговым центром министерства. Таким образом, доктор Кэрриол считалась чрезвычайно влиятельной женщиной.

Ее личный секретарь, притча во языцех в министерстве, носил до нелепости неподходящее имя Джон Уэйн. Пять футов два дюйма ростом при весе восемьдесят фунтов, он был близорук и по причине половой неразвитости говорил фальцетом и не имел на подбородке растительности. Дни, когда его ужасно тяготило доставшееся ему имя, остались далеко позади, он давно перестал роптать на судьбу, которая распорядилась так, что настоящий Джон Уэйн пережил всех своих кинематографических современников и превратился в культовую фигуру. Этот Джон Уэйн жил работой и был фантастическим секретарем, хотя собственно секретарские обязанности выполнял редко – для этого имел собственный штат.

Он проводил доктора Кэрриол в кабинет и терпеливо ждал, пока та снимет с себя соболей, купленных в момент ее последнего повышения, но еще до того, как она перестала покупать одежду и начала копить на дом. Под мехами оказалось простое черное платье,

без драгоценностей или каких-либо других украшений, но в нем она выглядела завораживающе. Не симпатичной. Не красивой. Не привлекательной в обычном смысле слова. Эта женщина излучала изысканную утонченность, спокойное изящество и казалась такой абсолютной недотрогой, что ее имя никак бы не могло появиться в министерском реестре сексапильных красоток. Следствием ее репутации недотроги было то, что она встречалась – впрочем, достаточно редко – только с чрезвычайно успешными мужчинами, чрезвычайно практичными и чрезвычайно уверенными в себе. Свои слегка волнистые черные волосы она носила наподобие Уоллис Уорфилд Симпсон[2] – на прямой пробор, забрав на затылке в мягкий узел. Большие глаза с тяжелыми веками отливали необычной тусклой зеленью, крупный рот, алые красивой формы губы, кожа матово-бледная без единого намека на румянец, такая непроницаемая, что не просвечивали даже прожилки. Пикантная бледность в сочетании с черными волосами, бровями и ресницами удачно выделяла Джудит среди других, это ей было прекрасно известно, и она этим пользовалась. Вытянутые, худые, бледные кисти рук с длинными, закругляющимися к кончикам пальцами, ногти короткие, не покрытые лаком. И эти пальцы шевелились, как ножки паука. Ее фигура с удлиненным торсом, узкобедрая и плоскогрудая, удивляла змеиной верткостью и неожиданной подвижностью, отчего министерские остряки и прозвали ее Змеей. Или, по крайней мере, отговаривались этим, когда их спрашивали, откуда взялось такое прозвище.

– На сегодня все сохраняется, Джон?

– Да, мэм.

– В оговоренное время?

– Да, мэм. В четыре часа в конференц-зале.

– Отлично. Хотя не исключаю, что он все переиграет в последнюю минуту, чтобы доказать, что он главнее.

– Он этого не сделает, мэм. Дело слишком важное, и босс держит его под контролем.

Джулия села за стол, развернула на пол-оборота вращающееся кресло и расстегнула молнию на черных лайковых сапогах. Она поменяла их на такие же черные туфли, тоже на высоких каблуках, которые ждали ее рядышком на дне просторного ящика стола. Доктор Кэрриол была сама аккуратность и деловитость.

– Кофе?

– М-м-м… Чертовски удачная мысль! Есть что-нибудь новое, что мне нужно узнать до совещания?

– Полагаю, что нет. Мистер Магнус хочет сначала переговорить с вами, но этого следовало ожидать. Вы должны быть очень довольны, что операция поиска наконец завершилась.

– Чрезвычайно довольна. Хотя не могу сказать, что работа была неинтересной. Пять лет труда! Джон, когда вы перешли ко мне из Госдепа?

– Постойте-ка… полтора года назад.

– Мы потратили бы меньше времени, если бы вы были у меня с самого начала. Отыскать вас было все равно что наткнуться на самородок посреди минного поля государственного департамента.

Секретарь слегка зарделся и, неловко наклонив голову, поспешил выскользнуть за дверь.

Джудит подняла зеленую трубку со стоящей на столе бежевой панели многоканальной связи:

– Говорит доктор Кэрриол. Миссис Тавернер, будьте добры, соедините меня с министром.

---

[2] Уоллис Симпсон, урожденная Уорфилд (1896–1986) – с 1937 г. супруга герцога Виндзорского, отрекшегося от престола короля Великобритании Эдуарда VIII.

Ее соединили без всяких возражений – едва хватило времени дотянуться до кнопки телефонного шифровального устройства.

– Доктор Кэрриол, мистер Магнус на проводе.

– Я собираюсь к вам на совещание. – Голос прозвучал занудно, даже раздражительно.

– Господин министр, мои исследовательские группы и их руководители все еще под впечатлением, что Операция поиска – это чисто теоретическое занятие. Я хочу, чтобы они оставались в этом заблуждении, по крайней мере до того момента, пока им не станет очевидно, какие результаты получены прямо у них под носом. А до этого у нас есть еще несколько месяцев. Но если сегодня вы появитесь лично, люди могут почуять, что в деле попахивает здоровенной крысой, и заподозрить подвох. – Она задохнулась от собственной оговорки по Фрейду. Глупая, глупая Джудит.

Гарольд Магнус был не из тех, до кого долго доходил смысл сказанного. Но теперь его мысли крутились вокруг того, что ему отказывают в приглашении на совещание.

– Вы просто боитесь, что я порушу вашу аккуратно сложенную горку яблок на тележке и до того, как вы укажете мне нужное, выберу не то яблоко.

– Чепуха!

– Ха! Остается надеяться, что вторая фаза операции займет меньше времени, чем первая. Я бы хотел еще сидеть в этом кресле, чтобы познакомиться с результатами.

– Чтобы сметать стог сена, потребуется больше времени, чем чтобы нагрузить тележку яблок, мистер Магнус.

Он подавил смешок.

– Держите меня в курсе.

– Разумеется, господин министр, – любезно ответила Джудит и, улыбнувшись, положила трубку.

Но когда Джон Уэйн вернулся с кофе, она сидела, прикусив губу, и задумчиво смотрела на зеленый телефон.

В четыре часа дня доктор Джудит Кэрриол вошла в зал заседаний Четвертой секции в сопровождении личного секретаря. Ему предстояло по старинке вести стенографическую запись встречи. Они давно условились с Джудит не пользоваться ненадежным магнитофоном, если совещания носили совершенно секретный характер. Стенограмма – другое дело. Даже если злоумышленник раздобудет текст и сумеет расшифровать скоропись, ему еще потребуется разобрать непонятный почерк секретаря. Затем Джон лично напечатает протокол на допотопной, лишенной каких-либо блоков памяти пишущей машинке. Ее стук не воспримет ни один микрофон, в отличие от устройств, печатающих текст с голоса. Затем он уничтожит стенограмму и черновые записи, сам размножит документ и подошьет для рассылки в папки с грифом «Совершенно секретно».

Собрание было немноголюдным – всего пять человек, включая Джона Уэйна. Они сели по два с каждой стороны овального стола, а доктор Кэрриол устроилась во главе. Она сразу приступила к делу и, накрыв ладонью верхнюю в пачке лежащих перед ней папок, начала:

– Доктор Абрахам, доктор Хемингуэй, доктор Чейсен, вы готовы?

Все серьезно кивнули.

– Тогда начнем с вас, доктор Абрахам. Не возражаете, Сэм?

Для того чтобы читать, ему потребовались очки. Он надел их, и только легкая дрожь пальцев свидетельствовала о том, насколько ученый волнуется. Он восхищался Джудит, был ей чрезвычайно благодарен за то, что она привлекла его к участию в этой программе, и не хотел думать о том дне, когда ему придется вернуться к более прозаичным делам.

– Моя первоначальная группа включала тридцать три тысячи триста шестьдесят восемь человек, и далее я следовал указаниям отсеять всех, кроме троих избранных. Мой

главный аналитик выбрал тех же троих совершенно независимо от меня. Я остановлюсь на каждом в равной мере, но в порядке моего предпочтения. – Доктор Абрахам прокашлялся и открыл верхнюю из трех папок, лежавших у его правой руки.

В зале послышался шелест: другие участники совещания открыли папки и следили за текстом, пока их коллега говорил.

– Мой первый избранник – маэстро Бенджамен Стейнфельд. Американец в четвертом поколении, из польских евреев со стороны и матери, и отца. Возраст – тридцать восемь лет. Женат. Имеет одного сына. Мальчику четырнадцать лет, учится в школе, круглый отличник. Брачное и отцовское положение кандидата оценивается в десять баллов по шкале из десяти. Женат второй раз. Первый брак заключен, когда кандидату было девятнадцать лет. Распался через два года. Развод инициирован бывшей женой. Учился в Джуллиардской музыкальной школе, в настоящее время дирижер Зимнего музыкального фестиваля в Тусоне, штат Аризона. Единоличный организатор концертов и музыкальных программ, которые последние три года транслирует в масштабах страны телеканал Си-би-эс, и аудитория этих передач постоянно растет. По воскресеньям, как вам, вероятно, известно, выступает ведущим телевизионных встреч на Си-би-эс, посвященных обсуждению современных проблем, но делает это сдержанно и с тактом, чтобы не причинить людям боль и не нагнетать эмоции. Его программа котируется в США на самом высоком уровне. Не сомневаюсь, вы время от времени ее смотрите, тем более что тематика имеет отношение к нашему заданию. Поэтому не буду входить в детали относительно личности маэстро Стейнфельда, его дара слова и харизмы.

Доктор Кэрриол слушала отчет и следила по тексту в папке. Затем, нахмурившись, поднесла к свету цветную фотографию размером восемь на десять и стала так внимательно ее изучать, словно до этого ни разу не видела, хотя изображенное на ней лицо, как заметил доктор Абрахам, было всем хорошо знакомо. Она подметила выразительные скулы, твердую линию красиво очерченного рта, глаза с искоркой, спускающуюся на высокий лоб непокорную челку светло-каштановых волос. Поистине лицо дирижера. Почему у них всегда такие копны волос?

– Какие будут возражения? – спросила Джудит, взглянув на доктора Хемингуэй и доктора Чейсена.

– Предыдущий брак, Сэм, – начала Хэмингуэй. – Вы узнали, по каким причинам бывшая жена маэстро Стейнфельда порвала с ним отношения? – Ее по-собачьи узкое личико светилось, словно она наслаждалась каждым мгновением этого долгожданного совещания.

Доктор Абрахам возмутился:

– Естественно. Между ними не было вражды, и их разрыв не оказал дурного влияния на маэстро. Бывшая жена Стейнфельда обнаружила, что предпочитает сексуальных партнерш своего пола. Она рассказала мужу о своих ощущениях, и он полностью ее понял. Даже всячески поддерживал в первые непростые годы ее лесбийских отношений. Потом он все-таки попросил развод, чтобы иметь возможность снова жениться, но позволил супруге начать бракоразводный процесс, поскольку в то время она оказалась в довольно щекотливой ситуации на работе.

– Спасибо, доктор Абрахам. Есть еще возражения? Нет? Хорошо. В таком случае переходите к вашему второму избраннику. – Доктор Кэрриол подколола фотографию с внутренней стороны обложки дела маэстро Стейнфельда, закрыла папку и, прежде чем открыть следующую, аккуратно отодвинула в сторону.

– Ширли Гроссман Шнайдер, восьмое поколение американцев различной еврейской, но главным образом германо-еврейской крови. Возраст тридцать семь лет. Замужем. Имеет одного ребенка – мальчика шести лет. Сын учится в школе, его способности оценивают очень высоко. По десятибалльной шкале у нее максимальный рейтинг в качестве жены и матери. Астронавт, до сих пор числящаяся в активе пилотов НАСА. Возглавляла серию экспеди-

ций по программе «Феб», в рамках которой на орбите был построен пилотируемый солнечный генератор. Автор бестселлера «Укрощение Солнца». В настоящее время главный представитель НАСА, от чьего имени озвучивает обращения к нации. Является президентом Американского научного женского общества. Во время обучения в Массачусетском технологическом институте самая печатающаяся феминистка; именно она начала употреблять слова мужского рода в феминистском смысле – в ситуациях, где участвуют люди каждого или обоих полов. Вы, наверное, помните ее крылатую фразу: «Если я председательствую на собрании, будьте любезны называть меня председателем, а не председательницей». Ее публичные выступления превосходны, отличаются красноречием, остроумны, берут за живое. И как ни странно, откровенная, воинствующая феминистка, она пользуется популярностью как среди женщин, так и среди мужчин. Эта дама не только очаровательна, она обладает характером.

«Какое мужественно красивое лицо, – подумала доктор Кэрриол. – Этот подбородок свидетельствует, что астронавты в самом деле крепки и телом, и духом. Но широко открытые серые глаза выдавали в ней истинного мыслителя».

– Возражения?

Возражений ни у кого не возникло.

– Прошу вас, доктор Абрахам, ваш третий избранник.

– Персиваль Тейлор Смит. Со стороны отца продолжает американскую линию с 1683 года, с материнской – с 1671-го. Из белых англосаксонских протестантов. Сорока двух лет. Женат. Имеет одного ребенка – шестнадцатилетнюю дочь, круглую отличницу в школе. Как семьянину и отцу я бы поставил ему по десятке. Возглавляет местное Бюро социальной адаптации Палестрины, штат Техас, – одного из ключевых городов переселения группы Б с центром в Корпус-Кристи. Достиг беспрецедентных успехов. В Палестрине не только нулевой уровень самоубийств, в его психиатрической практике нет случаев неврозов на почве окружающей среды или переселения. Характер победителя, речь первоклассная. Он самый преданный делу человек из всей исследуемой мною группы. Его отношение к стоящим перед Америкой проблемам впечатляет.

Доктор Кэрриол вгляделась в фотографию Персиваля Тейлора Смита. Честное, открытое, улыбающееся, озабоченное лицо – фотограф застал человека врасплох, сняв в тот момент, как он что-то говорил. На носу и на щеках веснушки, забавная лопоухость, голубоглазый, рыжеватые волосы, милые морщинки от смеха и забот разбегаются вокруг глаз и рта.

– Возражения?

– Палестрина – город, принадлежащий группе Б, следовательно, тамошние переселенцы постоянные жители. Полагаю, задача господина Смита была проще, чем если бы он работал в городе группы В, – сказала доктор Хемингуэй.

– Принято. Ваше мнение, доктор Абрахам?

– Признаю. Но хотел бы отметить два факта. Первый: у Палестрины, что ни говори, безукоризненная репутация. Второй: человек масштаба мистера Смита способен на такой подход к любому делу, который принесет результаты в любой ситуации.

– Согласна, – кивнула доктор Кэрриол. – Большое спасибо, Сэм. Не вижу причин, почему бы нам не перейти к доктору Хемингуэй. Но прежде хочу задать вопрос: нет ли у кого-нибудь возражений против тех, кого предложил доктор Абрахам?

Доктор Хемингуэй подалась вперед, доктор Абрахам, нахмурившись, настолько же откинулся на спинку стула. Настойчивость этой миниатюрной женщины с хваткой бойцовского пса начинала его утомлять.

– Я заметила, что два ваших первых кандидата евреи. Вы сами еврей. И ваш старший ученый-исполнитель тоже еврей. Не повлияли ли эти обстоятельства на ваш выбор?

Доктор Абрахам сглотнул, поджал губы и что-то процедил, всем видом показывая, что он не собирается срываться, что бы еще ни преподнесла ему Хемингуэй.

– Я вас понимаю: вам кажется, что вы нащупали что-то существенное. И я отвечу, задав вопрос доктору Кэрриол. Сказалась ли семитская предвзятость в отборе руководителей групп нашей исследовательской программы? Я еврей. И доктор Чейсен еврей. Получается два к одному, Милли.

Джудит рассмеялась, и вслед за ней Хемингуэй.

– Исчерпывающий ответ, Сэм. Спасибо. Ваша очередь отвечать на вопросы, Милли. – Джудит отложила первые три папки в сторону и подвинула следующие три, чтобы было удобнее их брать.

– Готова. – Напористую пигалицу нисколько не выбила из колеи находчивость Абрахама. – Я и моя команда решили действовать по другому принципу, а именно: кандидаты отбирались путем общего голосования, а не только опираясь на мое мнение и мнение моего старшего ученого-исполнителя. Трое финалистов выбраны единодушным голосованием и в том порядке, в каком я сейчас их представлю.

Доктор Хемингуэй открыла папку.

– Первый кандидат – женщина, Кэтрин Прогуливающаяся Лошадь. Отец – стопроцентный сиу. Мать в пятом поколении американка из ирландских католиков. Одинокая, детей не имеет, замужем не была, но в интимных отношениях с партнерами твердо придерживается гетеросексуальной ориентации. Вы, безусловно, слышали о ней и слышали ее: она хорошо известная исполнительница индейских и других народных песен. Обаятельный, счастливый человек, с самым позитивным отношением к жизни из всех наших тридцати трех тысяч с чем-то респондентов. Она исключительно образованная женщина. Ее докторскую диссертацию по этологии, которую она защищала в Принстоне, этой осенью напечатало издательство «Аттик-пресс», оценив в качестве важнейшего вклада в эту область науки. Она прекрасный оратор, привлекательная личность. – Доктор Хемингуэй помолчала и добавила: – Чуточку ведьма, в ней есть что-то чарующее, она притягивает к себе людей. Поразительное свойство.

Фотограф заснял молодое, смуглое лицо с орлиным носом, губы растянуты в полуулыбке, взгляд прикован к чему-то, что доктор Кэрриол мысленно назвала «видением».

– Возражения?

– Двадцать семь лет, слишком молода, – энергично заявил Абрахам. – Женщину такого возраста даже не следовало включать в число испытуемых.

– Я того же мнения. – Хемингуэй реагировала на критику Абрахама не так болезненно, как он на ее. – Но компьютер выкинул ее имя, и мы после нескольких проверок, учитывая другие ее качества, несмотря на возраст, согласились с выбором машины. Затем она прочно заняла первое место, и я должна сказать, что возраст не помеха ее кандидатуре.

– Принимаю, – кивнула доктор Кэрриол. – Хотя в ее взгляде есть нечто такое, что меня тревожит. Когда дело дойдет до ее персонального изучения, я хочу знать, не наркоманка ли доктор Прогуливающаяся Лошадь и не страдает ли от психической нестабильности. – Ладонь Джудит легла на следующую папку. – Ваш второй кандидат, доктор Хемингуэй?

– Марк Хастингс, чернокожий, американец по крайней мере в восьмом поколении. Тридцати четырех лет. Женат. Имеет сына девяти лет, круглого отличника в школе и подающего надежды спортсмена. По десятке за отношения к семье и сыну. Четвертьзащитник «Лонгхорнов», держится на уровне на фоне подрастающей молодежи и, по оценкам, величайший игрок в истории американского футбола. Имеет диплом с отличием по философии Уэслианского методистского университета, защитил докторскую диссертацию в Гарварде. Активно работает с молодыми переселенцами в Техасе и Нью-Мексико, основатель и руководитель молодежных клубов, названных в честь его команды, первоклассный оратор, обаятельный человек, является председателем президентского Совета по делам с молодежью.

«А выглядит очень брутально, – подумала Джудит. – Насколько может быть обманчива внешность. Лицо – почти классический пример тупой, грубой силы: приплюснутый нос, вогнутая линия подбородка, сросшиеся брови. Какое же грубое обращение он, должно быть, терпел на футбольном поле! Но глаза всегда выдают душу, и эти глаза свидетельствовали, что у человека глубокая, красивая, застенчивая и, наверное, поэтическая душа».

– Возражения?

Все промолчали.

– Ваш последний избранник, доктор Хемингуэй?

– Уолтер Черновски. Американец в шестом поколении из выходцев из Польши. Сорока трех лет. Женат. Дочь двадцати лет учится на втором курсе Университета Брауна, изучает естественные науки, успевает превосходно. Все члены группы вместе со мной согласились, что Черновски заслуживает десять баллов за отношения с супругой и дочерью. Как вам, конечно, известно, в 2026 году он получил Нобелевскую премию за работу по проблемам получения в космосе энергии из солнечных лучей. В настоящее время научный руководитель проекта «Феб». Но главная причина, почему Черновски вошел в нашу тройку финалистов, это то, что он постоянный президент общества «Ученые за гуманизм» – первого и единственного объединения ученых, сумевшего преодолеть расовые, национальные, религиозные и идеологические барьеры и превратиться в открытое для всех подлинно интернациональное сообщество. Человек с харизмой. Оратор намного выше среднего уровня. Говорит на восьми языках. Мягкая, обаятельная натура.

Золотистые с темным отливом волосы, желтоватые глаза, хорошая, загорелая кожа, начинающая проступать сеточка морщинок на лице, которые только придавали ему очарования. Хотя доктор Кэрриол лично с ним не встречалась, мысленно она считала его самым сексуальным мужчиной из всех, кто был на виду.

– Возражения?

Доктору Абрахаму нетерпелось вступить в бой:

– Поправьте меня, Милли, если я ошибаюсь. Насколько помню, профессор Черновски был одним из тех, кто в 2019 году сформулировал и подписал петицию «Католики за свободную жизнь» с требованием к папе Иннокентию упразднить установления папы Бенедикта относительно контрацепции и контроля за численностью населения?

Доктор Кэрриол перевела взгляд с Милли на Сэма, затем обратно, но ничего не сказала.

– Да, Сэм, вы совершенно правы, – ответила Хемингуэй. – Но я не думала, что от нас ждали, чтобы мы раскрыли негативные стороны наших кандидатов в этом кратком устном докладе. Если вы заглянете в вашу копию дела, то найдете там всю соответствующую информацию. В поведении профессора Черновски после 2019 года ничто не указывает на то, что он принял ответ папы Иннокентия иначе как в духе подлинного примирения.

– Та петиция – темное пятно на нем. Я бы на вашем месте исключил Черновски из числа кандидатов, тем более что дело носило религиозный характер, – не унимался Абрахам.

– Я выполняю свою работу так, как считаю нужным. – По выражению глаз Милли было ясно, что она не простит Абрахаму сомнений в ее наивысшей компетенции. – Передо мной стояла задача изучить более тридцати трех тысяч предложенных компьютером кандидатов и с группой из шестерых исследователей отобрать тем или иным методом троих, которые по определенным параметрам и направлениям лучше всех остальных.

Она откинулась на спинку стула, закрыла глаза и, с расстановкой называя пункты, стала загибать пальцы:

– Перечисляю. Первое: избранник должен иметь за собой, по крайней мере, четыре поколения американцев со стороны и матери, и отца. Второе: возраст между тридцатью и сорока пятью годами. Третье: может быть любого пола. Четвертое: если состоит в браке, отношения с партнером должны оцениваться в десять баллов. Если имеет ребенка, отноше-

ния с ним также должны оцениваться в десять баллов. И то, и другое по разработанной доктором Кэрриол десятибалльной шкале. Если кандидат не состоит в браке, его сексуальная ориентация не должна вызывать сомнений. Пятое: работа кандидата должна носить общественный характер. Шестое: эта работа должна постоянно приносить обществу (или его части) пользу и сводить к минимуму своекорыстие. Седьмое: человек должен быть исключительно уравновешенным и приятным. Восьмое: обладать ораторскими способностями. Девятое: насколько возможно – харизмой. И наконец, десятое: это то, что вы, дружище Сэм, выдвигаете против моего кандидата, – избранник должен быть лишен религиозных предпочтений. – Она в упор посмотрела на Абрахама. – Согласно этому перечню, я со своей работой справилась.

– Вы все справились с работой, – вступила в разговор доктор Кэрриол, прежде чем Сэм успел ответить. И паучьим движением проведя пальцем по папкам с делами, продолжила: – Мы не устраиваем соревнования, даже если наше занятие – всего лишь испытание способов отбора данных, эффективности компьютеров, методик и персонала. Когда пять лет назад вас привлекли к этому делу – и не только вас: компьютеры, деньги, людей, – вы могли подумать: зачем тратить чертовски много времени и столько государственных денег ради какого-то испытания сил? Но, уверена, не прошло и трех месяцев, как все поняли насущную необходимость этого дела. Благодаря первой фазе операции поиска разработаны методики сбора данных, составлены лучшие компьютерные программы, Четвертая секция обзавелась командой исследователей, какой нет ни у одного государственного органа.

– Разумеется, – буркнул Абрахам. Он почему-то почувствовал себя так, словно получил нагоняй.

– Хорошо. С доктором Хемингуэй покончили? Других возражений нет?

Никто не ответил.

– В таком случае, спасибо, Милли. И отдельное спасибо за прекрасное резюме критериев Операции поиска.

Доктор Хемингуэй поморщилась, но сдержалась и не произнесла то, что вертелось у нее на языке.

– Доктор Чейсен, будьте любезны, назовите своих кандидатов, – ровным голосом предложила Джудит.

Уязвленные чувства были моментально забыты. Стоило доктору Моше Чейсену собрать папки с делами, как в зале заседаний сгустилась атмосфера ожидания. Чейсен был мужчиной серьезным: крупным, несговорчивым, резких суждений. Он считался прекрасным аналитиком, и Джудит десять лет назад увела его из министерства образования, здравоохранения и социального обеспечения. Как и двум его коллегам, ему нравилось работать на доктора Кэрриол.

То, что он молчал во время представления первых шести кандидатов, могло показаться удивительным, но теперь коллеги решили, что поняли причину такого безразличия. Заветное имя не прозвучало среди предыдущих шести кандидатов, следовательно, оно возникнет теперь, и это, естественно, будет первый избранник Чейсена. То, что он выступал последним, в какой-то мере снижало эффект его слов, а он не любил, когда покушались на его славу. И теперь все с затаенным дыханием ждали, что же последует дальше. Нет, Моше Чейсен вовсе не выглядел обманутым, когда, грузно повернувшись на стуле, открыл первую папку.

– Первый кандидат был выявлен методом селекции. – Его низкий, ворчливый голос очень подходил его лицу. – Признаю, Милли, процедура не самая демократическая, но зато наиболее эффективная. Мы со старшим ученым-исполнителем принимали решения самостоятельно, но это, конечно, наш общий выбор.

– Конечно, – произнесла Джудит с едва заметной угрозой.

Чейсен поднял голову, покосился на босса и снова опустил глаза к папке.

– Наш первый кандидат и по всем параметрам выбор наивысшей категории – доктор Джошуа Кристиан. Американец в седьмом поколении. В нем течет скандинавская, кельтская, армянская и русская кровь. Не женат, детей не имеет, в браке не состоял. В двадцать лет добровольно подвергся вазэктомии[3]. По той информации, которой располагает компьютер, мы не смогли определить – а это важная характеристика любого гражданина страны, – каковы сексуальные предпочтения кандидата (если таковые имеются). Тем не менее он постоянно живет в семье, состоящей из матери (его отец умер), двух братьев, сестры и двух жен братьев. Он безусловный глава этой семьи – я бы назвал его прирожденным отцом. Окончил с отличием основной курс Чаббского университета, там же продолжал обучение в докторантуре в области философии; специализировался в психологии. Имеет частную клинику в Холломене, штат Коннектикут, где лечат то, что, по его терминологии, именуется неврозами тысячелетия. Достижения клиники феноменальны, а сам он обладает тем, что я за неимением более подходящего слова назову культом последователей, возникшим, вероятно, от того, что его терапия стимулирует пациентов искать утешение в Боге, хотя не обязательно в какой-либо формальной религии. Сильная личность, способен прекрасно выступать перед любой аудиторией. Но главная причина, почему я выбрал этого человека в качестве первого и, я бы сказал, единственного кандидата, – в его удивительной харизме. Вы говорили, что требуется это качество. Вот вам такой человек.

Речь Чейсена была встречена молчанием. Он назвал не то имя. Доктор Кэрриол пристально смотрела на него, но он только сильнее запрокинул голову и не отвел глаз.

– Я первой выскажу возражение, – сдержанным тоном проговорила она. – Я никогда не встречала термин «неврозы тысячелетия». И никогда не слышала ни о каком докторе Джошуа Кристиане. – Доктор Джудит Кэрриол была не только руководителем Четвертой секции министерства окружающей среды, но считалась одним из ведущих психиатров страны.

– Справедливо, мэм. Учитывая, что доктор Кристиан ни у кого не на слуху. После докторской диссертации он опубликовал всего одну работу. Я, разумеется, ее прочел и поручил прочитать экспертам в данной области. Работа почти полностью состоит из экспериментальных данных, сведенных в таблицы, графики и тому подобное и содержит на удивление мало самого текста. Но она, насколько мне позволяют судить мои познания в области неврозов, великолепна и способна послужить отправной точкой любому исследователю в этой области.

– Хорошо, пусть эта тема выходит за границы моей специализации, но я должна была хоть что-то о нем слышать. А я ничего не слышала, – возразила Джудит.

– Это неудивительно: похоже, у доктора Кристиана совершенно отсутствует тщеславие и желание прославиться. Единственное, что ему нужно, – управлять своей маленькой клиникой в Холломене. Среди коллег он либо объект насмешек, либо удивления и тем не менее делает большую работу.

– Почему же ничего не пишет? – спросила доктор Хемингуэй.

– Видимо, не способен изложить свои мысли на бумаге.

– До такой степени, что не может написать статью? – удивилась Милли. – И это в наши дни, когда к услугам не склонных к писательству людей столько технических средств?

– Да.

– В таком случае с ним что-то серьезно не так, – предположил доктор Абрахам.

– Разве в тех параметрах, которые так скрупулезно перечислила нам Милли, говорится, что наш кандидат должен быть совершенным в каких-либо других областях, кроме отношения к семье и детям? – возмутился Чейсен. – Сэм, вы намекаете, что у него не все в порядке с головой?

---

[3] Иссечение семявыводящего протока.

– Не исключено.

– Нет уж, будьте добры, конкретизируйте.

– Спокойнее, джентльмены, – резко осадила их Джудит. Она давно держала в руке фотографию из дела доктора Кристиана, но так и не взглянула на изображение – настолько увлеклась, слушая, как Чейсен представлял своего первого сенсационного кандидата. Теперь же, всмотревшись в карточку, начала понимать, почему Моше Чейсен предпочел этого человека другим, которых должен был бы выбрать. Лицо привлекательное, хотя немного истощенное. И отнюдь не красивое в традиционном смысле из-за носа с горбинкой – видимо, дань армянским предкам. Черные, сияющие, приковывающие взгляд глаза. В этом лице чувствовался аскетизм, которого были лишены предыдущие кандидаты. Да, лицо интригующее. Но… – Джудит пожала плечами.

– Кто ваш второй кандидат, доктор Чейсен?

Моше Чейсен криво усмехнулся:

– Я так и слышу, как вы задаете себе вопрос: кто из них спятил – он или его компьютер? Успокойтесь, с моим компьютером все в порядке. Он выдал мне это имя. Сенатор Дэвид Симс Хиллиер Седьмой. Что еще добавить? Нужны ли вам комментарии?

Как только прозвучало это имя, в комнате раздался общий вздох. Золотой мальчик! Вот он перед глазами Джудит на цветной фотографии восемь на десять. Самый любимый, самый обожаемый, самый уважаемый мужчина в Америке. Сенатор Дэвид Симс Хиллиер Седьмой. В свой тридцать один год слишком молод, чтобы стать президентом, но станет им прежде, чем ему исполнится сорок. Ростом шесть футов четыре дюйма, следовательно, наполеоновским комплексом не страдает. Прекрасно сложен, значит, не отягощен и атлантовым комплексом. Светлые, волнистые волосы, судя по всему, останутся густыми до преклонных лет. Глубоко посаженные, искрящиеся голубые глаза. Классические черты лица, которое никто бы не назвал смазливым – даже на фотографии заметно, как властно выступает вперед подбородок. Рот твердый, не чувственный, а волевой, глаза смотрят строго, в них светится ум, решительность и мудрость. И при всех этих качествах человек не себялюбивый, не мелочный, не жестокий, не безразличный к судьбам тех, кто родился не в таких выгодных, как он, обстоятельствах.

Доктор Кэрриол отложила фотографию.

– Возражения?

– Вы глубоко копнули, Моше? – спросила доктор Хемингуэй.

– Да. Где только можно. Если он и колосс на глиняных ногах, то я не обнаружил присутствия этого материала. Этот человек – само совершенство.

– В таком случае, – начал доктор Абрахам, но, поперхнувшись, сорвался на фальцет, – в таком случае, почему вы предпочли полусумасшедшего психиатра из занюханного Холломена в Коннектикуте лучшему человеку в Америке?

Доктор Чейсен выслушал вопрос коллеги с уважением и, как ни странно, не поспешил с резким ответом. Наоборот, выдержав паузу, признался, что сам не понимает, что им руководило. Никогда раньше он так не реагировал на скептицизм коллег.

– Не могу объяснить, – сказал он. – Но чувствую, что он единственный кандидат, кто отвечает всем требованиям нашей миссии, по крайней мере из числа тех, кого обследовал я. Это мое мнение. Помнится, пять лет назад в этой же комнате Джудит давала нам задание и вдалбливала, что в наших кандидатах должна чувствоваться харизма. Она подчеркивала, что именно это должно отличать наше задание от всего того, что было предпринято ранее. Потому что нам предстояло воспользоваться самыми совершенными средствами и методами, чтобы попытаться выявить нечто нематериальное. В случае успеха, говорила она, мы войдем в историю статистически-аналитической работы. А министерство окружающей среды в вопросе обработки данных вырвется вперед и обгонит даже таких королей в этом

деле, как министерство юстиции и министерство финансов. Поэтому, настраивая компьютерные программы, я нацеливал их на фактор харизмы.

Чейсен провел рукой по волосам, все еще чувствуя себя не в своей тарелке. И задал риторический вопрос:

– Но что такое харизма? Изначально это слово употреблялось для обозначения божьего дара святых и праведников властвовать над душами людей, формируя их надлежащим образом. Но в последнюю половину прошлого столетия значение стало шире: под харизмой понимали влияние на людей поп-звезд, прожигателей жизни и политиков. Мы все прекрасно знаем Джудит – знали еще до того, как началась Операция поиска. И зная ее, я заключил, что в ее понимании харизма нечто более близкое к старому значению слова, чем к современному. Джудит не интересует легковесность.

Наконец Чейсену удалось захватить слушателей. Даже доктор Кэрриол выпрямилась на стуле и смотрела на него так, словно никогда до этого не видела.

– Во многих случаях – особенно с наступлением эпохи средств массовой информации – важны не только убеждения человека и то, как он ведет себя, сообразуясь с ними, но и то, как он их излагает. Бог в помощь автору, который, написав действительно полезную книгу, отметится в передаче Марлен Фельдман, потому что из нее рядовые американцы получают впечатление о хороших писателях. Вспомните, как часто кандидат в президенты брал верх в теледебатах над противниками, потому что лучше держался и излагал свои взгляды. Как вы думаете, почему Гус Ром мог заручиться поддержкой страны и контролировать обе палаты Конгресса? Благодаря задушевным обращениям к народу с телеэкрана – вот почему! Сидел в студии, не моргая, смотрел в телекамеру своими огромными, обворожительными глазами, вещал истины от имени то Белого дома, то городской площади, а зритель думал, что он от всего сердца говорит именно с ним. Он был сильным, неукротимым, предельно искренним человеком и умел себя подать. Знал, как мыслью и словом затронуть чувства.

Чейсен поморщился, словно ему стало противно от того, что он говорил, но в следующее мгновение взял себя в руки.

– Вам приходилось слушать речи Гитлера и видеть в старой кинохронике, как он умел заворожить толпу? Потеха, да и только! Позер, инфантильный, беснующийся коротышка. Множество других немцев пользовались такими же приемами, апеллируя к национальному чувству измученного народа, рассказывали о тех же бедах и жертвах, но не имели того, что было у Гитлера, – способности воодушевлять, насаждать мысли под видом эмоций. Он был воплощением зла, но обладал харизмой. Или взять его заклятого врага – Уинстона Черчилля. Большинство из того, что он говорил в своих речах, было либо позаимствовано у других, либо перефразировано. Своего почти ничего. Иногда он становился слезливым, использовал мелодраматический эффект. Но, подобно Гитлеру, знал свое дело – умел достучаться до людей тем, что говорил и как говорил. Он воодушевлял. И добивался этого благодаря своей харизме! Ни Черчилль, ни Гитлер не были ни привлекательными, ни сексуальными, ни обаятельными. Но когда требовалось, могли даже птицу заговорить так, что та слетала к ним с дерева. Харизмой славился Франциск Ассизский, который проповедовал птицам, и те покидали кроны и садились к нему на руки. Он стал своим парнем. Но Гитлер, Черчилль и наш Ром тоже. Ладно, обратимся к нашим дням. Возьмем певичку Игги-Пигги и плейбоя Рауля Делиса. Есть у них харизма? Нет! Они сексуальны, они обаятельны, перед ними преклоняются. Но когда обоих сметет ветер времени, никто даже не вспомнит их имен. Их харизма не подлинная. В них нет ничего такого, что бы повело народ к его звездному часу или к катастрофе. А как обстоят дела с сенатором Дэвидом Симсом Хиллиером Седьмым? Компьютер утверждает, что у него нет той харизмы, которая требуется Джудит. Мой старший ученый-исполнитель согласен с компьютером. А я согласен и с тем, и с другим. Зато имя

доктора Кристиана всплывало с самого первого отбора. И как мы его ни топили, выскакивало на поверхность, словно пробка, в течение всей операции. Вот и все.

Джудит улыбнулась:

– Спасибо, Моше. Понимаю, после всего сказанного это может показаться снижением уровня, но все-таки назовите нам имя вашего третьего избранника.

Доктор Чейсен спустился с высот своих рассуждений и открыл последнюю папку.

– Доминик д'Эсте. Американец в восьмом поколении. На четверть черная кровь от стопроцентного черного прародителя. Тридцати шести лет. Женат. Имеет двоих детей. Второй ребенок одобрен Бюро актом под номером Ди-Экс-сорок два-шесть-ноль шестьдесят четыре. Старшей дочери одиннадцать лет, учится в школе, круглая отличница. Младшему сыну семь лет, его способности оцениваются чрезвычайно высоко. По шкале Кэрриол отношения кандидата к семье и детям оцениваются по десять баллов. – Последние слова сопровождал иронический кивок в сторону председательствующей за столом.

Джудит кивнула и посмотрела на красивое лицо на фотографии. В высшей степени красивое. Черная кровь не проявилась нигде, кроме глаз, которые были темнее ночи и с особенной, удивительной влажностью, присущей людям черного происхождения.

Доминик д'Эсте был астронавтом программы «Феб», специалистом по солнечной инженерии, но теперь работал мэром Детройта. Все свои силы и время он отдавал, чтобы сохранить город в качестве центра, где в течение трех кварталов – весны, зимы и лета – производятся трамваи, автобусы и другие продукты машиностроения. Когда в Вашингтоне намечалось заключение контрактов для программы «Феб», переселения или других сфер, связанных с металлоемкой или точной продукцией, он появлялся в столице и как бешеный продвигал Детройт. Получил Пулитцеровскую премию за книгу «Зимой даже солнце умирает», заседает в президентском Совете за сохранение городов. Ведет телевизионное шоу «Северный город», славится очень высокими воскресными рейтингами. И наконец, он считается лучшим оратором в стране после сенатора Хиллиера.

– Возражения?

– Уж слишком смазлив, – проворчала Хемингуэй.

Все заулыбались.

– Согласен, согласен! – воскликнул доктор Чейсен и всплеснул руками, словно оправдываясь.

– Вы, Моше, не упомянули одного факта, который мне случайно известен, поскольку я лично знаком с Домиником, – заметил Абрахам, сам некогда аналитик НАСА. – Мэр д'Эсте действующий пресвитер своей церкви.

– Я в курсе, – кивнул Чейсен. – Но, поразмыслив, мы – компьютер, мой старший ученый-исполнитель и я – пришли к выводу, что мэр д'Эсте не настолько обременен религиозными убеждениями и обязанностями, чтобы исключить его из конкурса. – Он хмыкнул. – И по этим причинам не допустить в финал.

Джудит положила последнюю папку наверх стопки и отодвинула в сторону. Ее руки легли на освободившееся пространство – одна чуть поверх другой, – и все заметили, как слегка шевелятся сплетенные пальцы.

– Благодарю вас за большую, трудную, прекрасно выполненную работу. Надеюсь, все вы вернули свои материалы в Федеральный банк человеческих ресурсов и уничтожили всякие следы своей работы в компьютерах?

Участники совещания кивнули.

– Разумеется, вы и в дальнейшем будете пользоваться программами, но таким образом, чтобы никто, кроме сидящих здесь, не знал, для чего они вам требовались ранее. Ни у кого не осталось неуничтоженных записей, магнитофонных пленок или других свидетельств проведения Операции поиска?

Все покачали головами.

– Отлично. О копиях всех находящихся здесь дел я сегодня позабочусь. А пока, прежде чем продолжить, может быть, попросим Джона организовать нам что-нибудь перекусить?

Джудит улыбнулась секретарю, чей карандаш с начала совещания без устали летал по бумаге. Тот отложил блокнот и тут же поднялся.

Она извинилась и вышла в соседний туалет. Остальные остались ждать. Но к тому времени, когда Джон Уэйн вкатил в зал тележку с кофе, чаем, вином, пивом, сандвичами и печеньем и с присущей ему энергией, нисколько не убавившейся после стенографического марафона, принялся раздавать закуски, доктор Кэрриол вернулась, и участники совещания обрели прежнюю живость.

– Виню себя, что не настроила программу больше на харизму, – призналась доктор Хемингуэй, откусывая от сандвича с копченой семгой.

– Видимо, Моше лучше других понял изначальный замысел нашей миссии, – согласился доктор Абрахам.

Все посмотрели на Джудит, но та только подняла брови и ничего не сказала.

– Интересная была работа, – вздохнул доктор Чейсен. – Надеюсь, вторая фаза будет не хуже. – Он закинул удочку, пытаясь выяснить, какое их ждет будущее, но Кэрриол опять промолчала.

Наконец она знаком показала убрать тележку с закусками, дождалась, пока Джон Уэйн займет свое место и возьмет карандаш, и вернулась к делу:

– Понимаю, вы все в неведении, что повлечет за собой вторая фаза Операции. До сих пор я это от вас скрывала, поскольку хотела, чтобы всю свою энергию вы направили на осуществление первой фазы и не рассчитывали, что во второй можно будет что-то исправить. – Джудит помолчала, затем посмотрела в упор на Чейсена: – Прежде чем перейти к обсуждению второй фазы, объявляю, что с сегодняшнего дня отстраняю доктора Чейсена от Операции поиска. Вы будете участвовать в другом проекте, Моше. Но не потому, что плохо справились с работой. Наоборот. – Ее голос немного потеплел, стал не таким строгим, официальным. – Вы прекрасно поработали и, признаюсь, удивили меня.

– Значит, нашу работу вы не оценили! – Лицо Хемингуэй болезненно сморщилось.

– Не волнуйтесь, Милли, все оценено по достоинству. Вольное обращение доктора Чейсена с данными никак не повлияет на общий результат. Не забывайте, что первая фаза операции предусматривала выявление тремя группами девяти непредсказуемых кандидатов. Я считала, что в ходе второй фазы мы отработаем этих девятерых до такой степени, чтобы можно было разобраться с нематериальной составляющей. Воспринимала первую фазу как способ исключить человеческий фактор и не внести ошибку в компьютерные данные. Надеялась, что кто-нибудь из вас придумает программу, способную обрабатывать большие пласты информации с учетом неосязаемого. Не исключено, что вторая фаза опровергнет открытия Моше. Что нисколько не умаляет его блестящий вклад в первую фазу, а лишь покажет, где он ошибался, и он больше не допустит ошибок. Учтите, что из девяти кандидатов, перекочевавших во вторую фазу, шесть не принадлежат доктору Чейсену. Моше отдал предпочтение одному из десяти параметров – неосязаемому. Но не исключено, что, поступив подобным образом, он слишком пренебрег остальными девятью.

– Никоим образом, – рявкнул доктор Чейсен.

Джудит улыбнулась:

– Ну, будет, будет. Однако вторая фаза операции спланирована таким образом, чтобы иметь дело с девятью кандидатами, а не только с вашими тремя.

– Может быть, стоит пропустить наших шестерых через программы Моше? – предложил Абрахам.

– Такое возможно, но я бы этого делать не стала. Тогда пришлось бы слишком во многом положиться на случай и, пожалуйста, без обид, на самого Моше.

– Я так понимаю, что вторая фаза – это исследование человеческими силами.

– Верно. Никому еще не удалось дать определение, что такое интуиция, но мне кажется, что это целиком иррациональная реакция человека на других людей в обыденной обстановке. Поэтому я всегда считала, что в нашем деле, где чувства имеют первостепенное значение, должен наступить такой момент, когда потребуются личные наблюдения, тесты и встречи с избранной группой кандидатов. Сегодня первое февраля. Я объявляю окончание первой фазы Операции поиска. Завтра – первый день второй фазы. У нас есть три месяца. К первому мая Операция поиска должна быть завершена.

Руки Джудит тихо шевелились на столе, что всегда производило неприятное впечатление на тех, кто в это время за ней наблюдал. Они будто жили собственной жизнью независимо от ее рассудка – выискивали добычу, плели паутину, *видели*.

– По поводу завтрашнего дня. Ваши группы распущены. Только присутствующие в этом зале будут знать о второй фазе. Поэтому вы сообщите своим людям, что Операция поиска достигла цели и вторая фаза не потребовалась. В течение следующих трех месяцев Милли, Сэм и я вместо Моше будем персонально заниматься девятью кандидатами. Каждый возьмет по три: Милли – кандидатов Сэма, Сэм – кандидатов Милли, я тех, что представил нам Моше. Таким образом, Сэму достанутся Прогуливающаяся Лошадь, доктор Хастингс и профессор Черновски. Милли – маэстро Стейнфельд, доктор Шнайдер и господин Смит. Я же займусь доктором Кристианом, сенатором Хиллиером и мэром д'Эсте. Вы опытные экспериментаторы, поэтому нет необходимости останавливаться на правилах проведения второй фазы. Завтра Джон даст вам ознакомиться с делами ваших кандидатов, но вы не получите права выносить их за пределы кабинета или делать записи. Во время второй фазы следует целиком полагаться на память. Хотя вы в любое время можете попросить снова показать вам дела. – Джудит посерьезнела. – Должна вам напомнить, что во второй фазе Операция поиска носит еще более секретный характер, чем в первой. Если кто-нибудь из кандидатов заподозрит, что является объектом изучения, нам не сдобровать. Они влиятельные люди сами по себе, а некоторые пользуются в этом городе огромной поддержкой. Поэтому действуйте с величайшей осторожностью. Это понятно?

– Мы же не дураки, Джудит, – обиженно ответила Хемингуэй.

– Не сомневаюсь. Но лучше рискну упасть в ваших глазах и предупредить, чем потом пожалеть, что ничего не сказала.

Доктор Абрахам продолжал хмуриться.

– Решение о расформировании наших групп слишком неожиданно. Что я завтра скажу своим людям – что со следующего дня они безработные? Мои сотрудники достаточно сообразительны, чтобы догадаться о второй фазе. И признаюсь, мне не приходило в голову, что настанет день и придется остаться без помощников. Я не подготовил людей к такому потрясению, а потрясение будет.

Кэрриол удивленно изогнула бровь:

– Безработные – слишком сильно сказано, Сэм. Все они квалифицированные работники в области статистики окружающей среды, и это никуда от них не денется. Теперь они поступают в распоряжение Моше и будут помогать ему с новым проектом. Если пожелают. В противном случае им предложат участие в какой-нибудь иной программе министерства. Вы удовлетворены?

Абрахам пожал плечами:

– Что касается меня, то да. Но я бы предпочел получить от вас письменный приказ.

Слова Сэма не понравились Джудит, но ее ответ прозвучал, как всегда, корректно:

– Поскольку письменные приказы соответствуют политике Четвертой секции, вы его, безусловно, получите.

Абрахаму показалось, что над его головой нависла тень от меча, и он поспешил реабилитироваться:

– Спасибо, Джудит, и прошу прощения, если обидел вас. Разволновался. Поймите, плох тот начальник, кто, отработав с людьми целых пять лет, не научился защищать их интересы.

– Согласна, но при условии сохранения определенной доли беспристрастности. Я так понимаю, что некоторые из ваших людей не захотят работать с Моше?

– Нет, нет, я не это имел в виду. – Абрахам казался подавленным. – Напротив, думаю, что все придут в восторг от такой перспективы.

– Тогда что вас тревожит?

– Ничего. – Он вздохнул, беспомощно развел руками и сгорбился. – Абсолютно ничего.

Доктор Кэрриол бросила на него холодный изучающий взгляд, но ограничилась кивком.

– Вот и славно. – Затем поднялась на ноги. – Еще раз благодарю всех за работу и желаю удачи. Моше, свяжитесь со мной завтра утром. Я введу вас в курс дела. И поверьте, новое задание потребует полного напряжения сил и от вас, и от вашей увеличившейся команды.

Доктор Чейсен промолчал, потому что знал главу Четвертой секции лучше, чем запутавшийся в словах бедолага Сэм. Во многих отношениях Джудит была замечательным начальником, но разумнее было бы ее не злить. Разум доктора Кэрриол настолько довлел над ее чувствами, что сердце иногда казалось безнадежно скованным голосом рассудка. Чейсен был горько разочарован отстранением от Операции поиска. Никакие новые проекты, сколь заманчивыми они ни казались, не могли избавить его от неудовлетворенности, которую испытал бы любой ученый, которому не дали довести до конца работу. Однако спорить было бесполезно, и он прекрасно это понимал.

Но в царившей в зале атмосфере чувствовалась горечь неудачи и обиды, и трое руководителей групп ушли к себе быстрее обычного, оставив Джудит наедине с ее секретарем. Доктор Кэрриол посмотрела на часы.

– Мистер Магнус еще наверняка в своем кабинете, так что я, пожалуй, к нему загляну. – Она вздохнула и посмотрела на толстую пачку исписанной Уэйном бумаги. – Бедняга Джон! Можете сразу начать расшифровывать?

– Никаких проблем. – Секретарь начал собирать папки, которыми на совещании пользовались руководители групп.

Кабинет министра окружающей среды находился на том же этаже, что и зал заседаний, которым он тоже пользовался, если возникала необходимость. В просторном вестибюле, служившем приемной и местом ожидания, никого не было. Незаметные двери в боковых стенах вели в машбюро, фотокопировальную, другие службы и туалет – всем этим Магнус пользовался единолично. Большая дверь с двойным стеклом открывалась в просторный кабинет личного секретаря министра. Когда Джутит Кэрриол вошла, Хелена Тавернер была еще на месте. Ее жизнь за стенами министерства вызывала немалое любопытство сотрудников и служила предметом пересудов. Все свое время она проводила здесь, преданно служа Гарольду Магнусу, хотя редко слышала слово благодарности. Одни утверждали, что она разведена, другие, что муж ее умер, третьи – что мистера Тавернера никогда не существовало.

– Здравствуйте, доктор Кэрриол. Рада вас видеть. Проходите прямо в кабинет. Он вас ждет. Организовать кофе?

– Если можно, миссис Тавернер.

Гарольд Магнус, повернув кожаное кресло от входа к окну, сидел за гигантским столом из древесины грецкого ореха, который был его личной собственностью. Из окна, если

появлялось настроение, он мог наблюдать за скудным потоком транспорта по Кей-стрит. Так как уже стемнело, а дождя в этот день не было и мостовая не сверкала отблеском фонарей, разглядывать с таким усердием он мог только тусклое отражение собственного кабинета и самого себя. Когда дверь открылась, он повернулся в кресле и оказался лицом к лицу с Джудит.

– Ну, как все прошло?

– Погодите минуту. Все расскажу после того, как миссис Тавернер принесет кофе.

Министр насупился:

– Черт побери, женщина! Я сгораю от любопытства, мне так не терпится узнать, чем кончилось дело, что в рот не полезет ни еда, ни питье.

– Это вы сейчас так говорите, но стоит мне начать, и вы через две минуты меня прервете и скажете, что умрете, если немедленно не подкрепитесь. – Это было произнесено не мягким тоном слабо сопротивляющейся властной силе женщины, а сухо и прозаически. На самом деле все обстояло наоборот: властность была присуща именно ей, а министру – мягкость и склонность к политическому непостоянству. Джудит села в широкое кресло, стоявшее напротив стола, но не по центру, а немного сбоку.

– Когда мы только познакомились, я в вас сильно ошибся, – внезапно заявил Магнус. Это было вполне в его духе – ошарашивать сентенциями, не имеющими отношения к теме разговора.

Но сбить с толку Джудит ему не удалось. Она прекрасно знала: все, что говорил этот человек, было тщательно взвешено.

– В чем же, мистер Магнус? – спросила она.

– Я задавал себе вопрос: из чьей постели вы выскочили наверх?

На этот раз он ее удивил.

– Какие старомодные представления.

– Чепуха! – энергично возразил министр. – Времена меняются, но мы с вами прекрасно знаем, что женщины пользуются этим методом: чтобы добиться власти, перепрыгивают из постели в постель.

– *Определенные* женщины.

– Вот именно. Мне тогда показалось, что вы женщина такого сорта.

– Почему?

– Вы так выглядели. Многие привлекательные женщины не забираются к мужчинам в постель, стремясь подняться по служебной лестнице. Но я никогда не считал вас привлекательной. Я считал вас чарующей. И по своему опыту – а он у меня не маленький – знал, что чары – это то, что помогает продвигаться наверх окольными путями.

– Надеюсь, вы изменили обо мне свое мнение?

– Конечно. Если честно, после одного короткого разговора.

Джудит удобнее устроилась в кресле.

– Почему вы мне все это сейчас говорите?

Магнус насмешливо на нее посмотрел, но не ответил.

– Чтобы я знала свое место?

– Не исключено.

– В этом нет необходимости. Я свое место знаю.

– Вот и отлично.

Появилась миссис Тавернер с кофе и двумя графинами. В одном был коньяк, в другом – чистый шотландский виски прекрасного сорта.

– Солнце над нок-реей, мистер Магнус, можно выпить.

– Спасибо, Хелена. – Себе министр налил только кофе и кивнул в сторону подноса: – Угощайтесь, доктор Кэрриол.

Он был полным, хотя его тучность не производила впечатления чрезмерной: в ней ощущалась скорее властность, чем невоздержанность, даже притом что мистер Магнус любил себя побаловать. Полные губы прекрасно уравновешивали редкие брови, в густых соломенных волосах, несмотря на его шестьдесят с лишним лет, ни намека на седину. Руки и ноги миниатюрные, что часто бывает у людей подобной комплекции: кисти напоминали морские звезды, а ступни можно было принять за оторвавшиеся обшлага брюк. Голос сочный, громкий и округлый, как его брюшко, служил ему инструментом, и он им мастерски владел и умел пользоваться. До того как Тайбор Рис назначил его на этот самый важный министерский пост, Магнус служил адвокатом и, занимаясь делами, связанными с окружающей средой, одинаково убедительно отстаивал интересы тех, кто ее губил, и тех, кто защищал. Из-за этого в некоторых кругах сомневались в правильности выбора президента, но Рис сумел убедить оппозицию, что таким образом кандидат получает преимущество: благодаря прыжкам через забор он смог изучить, какая трава растет и по ту, и по другую сторону. На посту министра окружающей среды Магнус делал все, чтобы министерство следовало курсом политики хозяина Белого дома. И поскольку все усилия направлял в эту сторону, постоянные руководители департамента его охотно терпели. И если бы не его чудачества с секретными паролями, наверное, назвали бы лучшим руководителем за всю короткую историю министерства. Магнус сидел в этом кабинете семь лет – с тех пор, как Тайбора Риса избрали президентом США. Во властных кругах Вашингтона понимали: он останется на посту, пока не покинет Белый дом Рис. Внесенные во времена Августа Рома поправки в Конституцию никто не отменял, и на ноябрьских выборах у оппозиции шансов не было. Это означало, что Гарольд Магнус еще по крайней мере пять лет проведет в министерском кресле.

Магнус смотрел на Джудит Кэрриол, которая, как и он, предпочла не пить ничего крепче кофе, без всякой симпатии. Он ее ценил, но она ему не нравилась. У Магнуса не сложились отношения с матерью, а затем не сложились отношения с женой – отсюда его невысокое мнение о женщинах. Он больше не желал иметь дел с противоположным полом, обратив душевные наклонности к еде и вкусным напиткам. В том, что этот выбор подрывал его здоровье, он не хотел признаваться ни врачу, ни себе самому.

Джудит Кэрриол. Без сомнений, «серый кардинал» министерства окружающей среды. Когда пять лет назад она пришла к нему с обоснованными до мельчайших деталей планами проведения Операции поиска, он был достаточно о ней наслышан, чтобы стремиться, насколько возможно, держаться подальше. Она действовала ему на нервы. Блистательная, холодная, устрашающе результативная, не отягощенная душевными сомнениями, она не вписывалась в его представление о Женщине. Пусть оно было старомодным, ошибочным. Но все, что он знал о Джудит Кэрриол, не соответствовало образу этой чарующей, женственной особы. И это выводило Магнуса из себя. Сказать, что он ее боялся, было бы преувеличением. Он ее опасался. Так, по крайней мере, он говорил себе.

Когда Джудит представила ему план Операции поиска, он отнесся к нему неоднозначно и с осторожностью. Но ни одна администрация не прислушивалась к мнению народа так, как администрация Тайбора Риса. И ни одна не сталкивалась с такими последствиями национального унижения и деморализации страны. Даже его предшественник Август Ром. Старина Гус Ром сплотил народ силой своей личности, но сменившему его в Белом доме человеку в этом отношении не повезло.

Гарольд Магнус, подстраховываясь, доложил о проекте Операции поиска президенту. И тот, хотя и без восторга (Тайбор Рис был вообще человеком не восторженным), нашел его полезным и дал указание немедленно приступить к работе.

Джудит Кэрриол прекрасно знала, как к ней относится Гарольд Магнус, – он был не из тех людей, кто способен скрывать свои чувства. Ее устраивало работать на такого человека – не надо тратить силы и время на лесть, не надо лебезить, добиваясь согласия. Они прекрасно

понимали друг друга. Оба были опытными бойцами и научились держаться вместе, чтобы зарабатывать очки.

– Конечно же, Хиллиер, – начал Магнус.

– Да. И еще восемь.

– Должен быть Хиллиер.

Джудит в упор посмотрела на собеседника:

– Господин министр, если бы все было так очевидно, не стоило бы тратить столько денег и времени на поведение Операции поиска. Имя Хиллиера было на слуху с самого начала, но тогда он казался слишком молодым. Операция поиска была задумана не для того, чтобы дать возможность сенатору выиграть время. Ее цель – выявить с максимальной точностью, насколько это позволяют человеческие возможности, того единственного, кто пригоден для дела. Дела, самого важного, какое может предложить наша или любая другая страна. Трудно представить, кто бы мог этому соответствовать.

– Хиллиер, – упрямо повторил Магнус.

– Мистер Магнус, будь моя воля, мы бы с самого начала исключили из списков всех политиков. По-моему, политики не пригодны для такого дела.

Министр понимал, что они никогда не придут к единому мнению по поводу Хиллиера, и, прервав спор, спросил:

– Как обстоят дела со второй фазой?

– Приступаем немедленно. Я дала кандидатов Абрахама доктору Хемингуэй и наоборот. А сама взяла троих доктора Чейсена.

Министр выпрямился в кресле.

– Что же случилось с вашим голубоглазым малышом Чейсеном?

– Ничего. Он отлично поработал. Но использовать его во второй фазе значило бы понапрасну тратить его силы. Кроме того, для общения с людьми он не так хорош, как двое других. Я поручу ему пересмотр методологии переселения.

– Черт возьми, там же работы непочатый край!

– Вот именно. Поэтому я даю ему людей Абрахама и Хемингуэй и разрешаю оставить своих. Нет смысла, обучив двенадцать человек, снова отправлять их заниматься всякой ерундой, например, заставлять считать, сколько потребуется денег, чтобы сбросить с вертолета еду для голодающих в национальных парках оленей. Переселение настолько грандиозная тема, что Моше с восемнадцатью помощниками не справится до пенсии.

– Вы пессимистка.

– Реалистка, сэр.

– Таким образом, во второй фазе операции участвуете только вы, Хемингуэй и Сэм Абрахам?

– Чем меньше вовлечено людей, тем лучше. Притом что вашингтонскую крепость обороняет Джон Уэйн, нам не требуется вся американская кавалерия. – Джудит усмехнулась.

– Что мне доложить президенту?

– О, что мы перешли от первой фазы ко второй точно в соответствии с планом и что первая фаза во многом оправдала наши ожидания.

– Послушайте, доктор Кэрриол, этого недостаточно. Мне нужно сказать ему что-то еще.

Джудит вздохнула:

– Хорошо, скажите, что, как и предполагалось, Хиллиер прошел в девятку финалистов. Что из девяти выбранных для второй стадии людей семеро мужчин и две женщины. У одного кандидата двое детей, второй ребенок рожден, разумеется, с санкции Бюро. Только два кандидата не состоят в браке: один мужчина и одна женщина. Трое из девяти непосредственно связаны с НАСА, конкретно с проектом «Феб», что свидетельствует, насколько стали попу-

лярны наши космические программы и известны участвующие в них люди. Еще скажите, что ни одна из кандидатур не встретила резкого отпора на состоявшемся сегодня совещании.

– Всплыли еще какие-нибудь известные в масштабе страны имена, кроме Хиллиера?

– Я бы отнесла к ним семерых, в том числе двух женщин. Еще двое мужчин неизвестны в общенациональном масштабе.

– Кому не удалось попасть на вершину пирамиды?

– Право, затрудняюсь сказать. Я сознательно отстранилась и не стала вмешиваться в отбор из ста тысяч кандидатов в последнем туре. Большинство не добралось и до этого. Я не знаю, кто отпал на пути от ста тысяч к девяти. А если бы знала, это противоречило бы принципам Операции поиска.

Министр кивнул и не очень вежливо повернулся к окну.

– Благодарю вас, доктор Кэрриол. Держите меня в курсе, – сказал он в тройную стеклянную панель, отгораживающую его от холодного, враждебного внешнего мира на Кейстрит.

Домой Джудит отправилась не сразу. Четвертая секция давно опустела, и она никого не встретила, когда возвращалась в свой кабинет. В приемной Джон Уэйн поднял на нее глаза, оторвавшись от лежащих на столе бумаг. Славный Джон. Если хочешь, чтобы твой сын стал опорой всем вокруг, назови его этим именем. Но что такого есть в именах? Джудит знала об этом только из своего опыта. Она не встречала ни одной Пам, которая не оказалась бы сексбомбой, или Джона, не помогавшего всем вокруг, или Мэри – не ходячую обыденность.

Джошуа Кристиан. В маленьком сейфе в нижней секции стола уже были сложены папки с делами, занимая все пространство до последнего сантиметра. Джудит достала их оттуда и, разложив на столе, задумалась, сколько копий материалов на каждого из девяти кандидатов оставить и сколько уничтожить. Джон Уэйн вошел в тот момент, когда ее рука легла на папку с делом Джошуа Кристиана.

– Присядьте, Джон. Что скажете?

Главным развлечением в Четвертой секции стало строить догадки, что за отношения связывают босса и ее странного на вид секретаря, однако вслух никто бы не осмелился произнести непристойность. Но когда из министерства все уходили и Джон Уэйн оставался с Джудит один на один, он заметно преображался – был уже не существом среднего рода, хотя и не перевоплощался в мужчину. Лишь они двое знали, что помимо Джудит только он, Уэйн, обладал высшим допуском к секретной информации, которого не было даже у Гарольда Магнуса.

– Думаю, все прошло хорошо, – ответил он. – Было несколько сюрпризов, один на самом деле неожиданный. Хотите посмотреть протокол?

– Уже готов?

– Пока только черновик.

– Спасибо, сейчас не надо. Я достаточно запомнила для первоочередных задач. Надо многое осмыслить. – Джудит вздохнула, потерла пальцами веки и вдруг, уронив руки, пристально посмотрела на Джона Уэйна. Это был один из ее любимых приемов и очень эффективный, хоть на ее секретаря он и не действовал. Да она на это и не рассчитывала – но срабатывала сила привычки.

– Старина Чейсен заткнул коллег за пояс. Согласны? Я знала, что делала, когда переманила его из министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения.

– Блестящий работник, – согласился Джон. – Вы, конечно, намерены поставить его на переселение?

– Конечно.

– А его кандидатами займетесь сами.

– Больше некому. – Джудит непроизвольно зевнула, закрыв рот рукой, на глазах выступили слезы. – Господи, как же я устала! Ничего, если я попрошу вас сделать мне кофе? Не хочу выносить из кабинета материалы, поэтому немного здесь задержусь.

– Может, заказать вам что-то вроде ужина?

– Слишком много хлопот. Будет вполне довольно, если найдется оставшийся после совещания сандвич.

– Кем вы намерены заняться в первую очередь, мэм? – Даже наедине Джон Уэйн не называл ее по имени, а она не предлагала. Обоих устраивали сложившиеся между ними отношения.

Джудит подняла веки и выразительно изогнула бровь.

– Как кем? Конечно, сенатором Дэвидом Симсом Хиллиером Седьмым. Он как раз в Вашингтоне. – Она поежилась от пришедшей в голову мысли. – Б-р-р… Представляете, ради двух других надо ехать в Коннектикут и Мичиган. Зимой!

Джон Уэйн криво усмехнулся. У него были хорошие зубы, но это была не та улыбка, когда их демонстрируют собеседнику.

– На Новую Аляску.

Джудит пожала плечами:

– Пусть на Новую Аляску. Но только не теперь.

В итоге она засиделась в кабинете до восхода солнца и к тому времени знала содержание всех папок и могла соотнести любые имена и лица с самыми незначительными событиями истории и гипотезами проявления силы и слабости. Двоих из кандидатов она мысленно забраковала – они не стоили того, чтобы, когда настанет момент истины, упоминать о них Тайбору Рису.

Джошуа в их число не входил. Прочитав толстую подшивку заметок и сообщений о нем, Джудит заинтересовалась. Этот человек произносил такое, что потом все повторяли. И его термин для обозначения начавшейся тридцать лет назад и ползущей по стране депрессии показался ей самым удачным. Невроз тысячелетия.

Но разобраться с ним будет не просто. Джудит выписала все негативное, что нашла в досье. В своей области он скорее индивидуалист, чем признанный, уважаемый коллегами профессионал, не всегда постоянен в подходах, сфера его деятельности настолько узка, что можно заподозрить узость мышления. Было много признаков и того, что он страдает диповым комплексом. Доктор Кэрриол невысоко ценила внутренний потенциал мужчин, в тридцать лет продолжавших жить с матерями и не искавшими свиданий с женщинами или мужчинами. Как весь остальной мир, она считала добровольное безбрачие более трудным для понимания, чем любое нетрадиционное сексуальное поведение, включая самые низменные извращения. Такие мысли посещали ее, несмотря на то что сама она была женщиной фригидной. Умение подавлять естественные потребности казалось ей более подозрительным, чем слабость и готовность им поддаться. Ведь глядевшие с фотографии глаза были отнюдь не холодными и бесчувственными…

Вряд ли получится свалиться к нему в клинику, как снег на голову. Из прочитанного в его досье Джудит заключила, что в таком случае он встретит ее подозрительно и с опаской. И слово «Вашингтон» произносить тоже не стоит. Отношение Кристиана к центральной власти было не то чтобы враждебным, но настороженным. Нежелательно также пытаться заполучить приглашение через знакомых в кругах психиатров Чаббского университета. Какой бы способ Джудит ни выбрала, он должен быть безукоризненным – и такой же безукоризненной он должен воспринять ее саму.

Пора домой. Миновать главный вход, возле которого ежедневно совершаются самоубийства, и ждать на остановке проклятого автобуса. Так будет продолжаться не вечно, успо-

каивала себя Джудит. Настанет день, и она попадет в число тех немногих в этой стране, кому для поездки на работу и с работы подают машину. Остальным гражданам машины полагались только на время отпуска – максимум на четыре недели в году. Этот драгоценный отрезок времени страстно ждали и с ним тяжело расставались. Ни одно правительство в истории США не было таким заботливым и предусмотрительным, как нынешнее. Но ни одно другое не придумывало столько действующих на психику ограничений. Поэтому и возникла необходимость в проведении Операции поиска.

Джорджтаун был ее домом, и домом прелестным. Пока зима не заморозила эту часть страны, Джудит решила повременить с дополнительными мерами по утеплению жилища и не забивать окна своего маленького кирпичного дома. Ей нравилось круглый год любоваться красивой трехполосной улицей и милыми старыми домами в ее конце.

Все ее свободные деньги, как и последующие заработки, два года назад были вложены в ипотеку для покупки этого дома, и она до сих пор продиралась сквозь дебри финансовых трудностей. Дай бог, чтобы главная ставка в ее профессиональной карьере принесла дивиденды ей и стране! Если бы все шло по воле Гарольда Магнуса, ей бы почти ничего не досталось. Но она сумела провести Операцию поиска так (и счастливый случай к этому не имеет никакого отношения), что ему будет очень трудно присвоить ее лавры себе.

В жизни Джудит не было мужчин, кроме нескольких случайных свиданий. Но она встречалась с ними не потому, что стремилась к близким отношениям, а чтобы окружающие видели, что за ней ухаживают. Ее не интересовал половой акт, и она равнодушно отдавалась, не придавая этому никакого значения, не возмущаясь и не думая теплее о тех, кто склонял ее к постели. Вашингтон такой город, где просто стать любовницей, но трудно найти мужа. Однако муж ей вовсе не требовался – все свое время и силы Джудит отдавала работе. Любовников считала обузой. А о том, чтобы не иметь детей, позаботилась в двадцать пять лет, подвергнув себя гистерэктомии. Не те времена, чтобы связывать надежды с семейным очагом и растрачивать на домашних душевный пыл. Джудит искренне любила свою работу и не представляла, что кто-то способен соперничать с предметом ее обожания.

Похолодало, и ей пришлось переодеться в облегающий, как перчатка, велюровый спортивный костюм, натянуть на ноги толстые шерстяные носки и сунуть ноги в вязаные сапожки. Пока варилась на плите картошка и разогревалось тушеное мясо (картошка свежая, а мясо из консервной банки), Джудит держала руки над зажженной конфоркой. Еда ее согреет. И затем, хотя солнце уже взошло, она, сытая, отправится поспать.

III

Когда в конце января землю окутывала мгла, в жизни многое замирало, но возникало что-то иное. Таинственный покров порождал тайну. Предметы проваливались в пустоту. Неизвестно откуда пугающе приглушенно слышались шаги. Два человека могли разойтись в ярде и не заметить друг друга. Вот поблизости послышались чьи-то вздохи, и снова тишина – будто привидение промелькнуло и пропало. Порождение бесконечного томления мглы, словно оно соткалось из воздуха, вырвалось из собственной плоти и, собрав силы, стало видимым глазу. Можно его вдыхать, можно в него погрузиться и умереть.

Один из тех, кто в нем утонул, был Гарри Бартоломью – он умер от огнестрельного ранения в грудь. Этот человек постоянно мерз, ему всегда было холодно. Наверное, он был чувствительнее других к холоду, а может быть, просто слабее. Была бы его воля, он бы уезжал на зиму погреться в Техас или Каролину. Но его жена никогда бы не оставила мать, а та никогда бы не покинула Коннектикут. Старуха твердила, что янки, если нет гражданской войны, не пересекают границу Пенсильвании. Поэтому Гарри с женой оставались в Коннектикуте, хотя его работа заканчивалась тридцатого ноября и возобновлялась только первого апреля. Вздорная, противная старуха высасывала из семьи Бартоломью последние остатки драгоценного тепла, жена тоже приложила к этому руку, но Гарри не сопротивлялся, поскольку все деньги были у тещи.

В результате Гарри превратился в преступника, притом самого злостного: он жег дерево. Его дом находился на отшибе в середине участка в шесть акров, и в ветреные ночи все выходило относительно легко. Зато как становилось хорошо, когда начинало идти тепло от восхитительной массы полыхающих углей!

Печь сделали в конце прошлого века, когда люди стали безудержно топить свои жилища дровами, пока местные власти, власти штата и федеральные власти не наложили строгий запрет на рубку деревьев. Леса быстро редели, а холодный, сырой воздух, соприкасаясь с раскаленными углями, образовывал неимоверной плотности туман. Туманы все больше сгущались, все больше людей согревались дровами. Все больше энергии добывалось сжиганием деревьев.

Поначалу бездымными зонами считались города и пригороды. Гарри жил в сельской местности в центре Коннектикута, где холмы округлы и покаты и много лесов. Затем древесина в качестве топлива попала под запрет – деревья требовалось сохранить для изготовления бумаги и строительства. Уголь же приберегали для электростанций, производства газа и синтетических материалов. Расход самого драгоценного продукта – бензина – резко ограничили. Разбросанные по стране бездымные зоны превратились в единую бездымную зону с севера до юга.

Люди еще отапливали жилища дровами, но все меньше и меньше. Развелось множество организаций защитников лесов, формирующих группы наблюдателей. И если нарушитель попадался, на него налагали колоссальные штрафы и лишали льгот и привилегий. Но, даже зная об этом, Гарри Бартоломью не бросал привычку – трясся, паниковал, не мог спокойно спать, однако разжигал печь.

Теперь туманы стояли не всю зиму, в отличие от последних лет перед тем, как дрова и уголь в домах и квартирах оказались вне закона. Но они появлялись, когда возникали подходящие атмосферные условия: электростанции, заводы и учреждения сжигали достаточно топлива и выбрасывали достаточно углекислоты. И когда туманы накрывали землю, это было Божьим даром для таких людей, как Гарри Бартоломью. Он разработал метод, как воровать древесину, и этот метод себя оправдывал.

От дома к восточной границе своих владений Гарри проложил тросик. Там невысокая каменная стена отделяла его участок от соседа Эдди Маркуса. У Эдди земли было гораздо больше, чем у него – шестнадцать акров, – и, поскольку Эдди не фермерствовал, на ней росли большие деревья. В то время, когда топить дровами было не так опасно, он потерял многие из них. Затем положение изменилось, а сам Эдди стал начальником группы наблюдателей (как и его отец, он состоял в организации «Зеленые борцы»); тогда многие грабители решили искать счастья в других местах. Но только не Гарри. Он протянул тросик к пограничной стене и прикрепил к катушке, которую спрятал в ямке. Катушку и тросик он замаскировал опавшей листвой.

Так они и лежали, пока все вокруг не погружалось во мглу. Тогда Гарри шел по тросику, перелезал через стену и тянул тросик за собой. Ради быстроты он решил пользоваться цепной пилой, а не ножовкой или топором, надеясь, что туман поглотит звуки. К тому же дом Эдди стоял далеко от границы, а окна были для тепла забиты досками. Но даже если бы сосед услышал шум и переполошился, Гарри сумел бы быстро убраться, вернувшись назад по тросику. Пилу он оборудовал дополнительным глушителем и во время работы заворачивал в одеяло. Хороший механик, он накопил в хозяйстве много запасных частей и усердно ремонтировал мотор, который перегревался и страдал от такой маскировки.

Пять лет ему сходило с рук воровство соседской древесины. Конечно, Эдди обнаруживал последствия его набегов, но винил в них человека, жившего с другой стороны, с которым враждовал больше двадцати лет. Гарри с ликованием наблюдал, как обострялись их отношения, и все увереннее валил у соседа деревья.

В конце января 2032 года сгустилась мгла необходимой консистенции, совпавшая с почти невиданной в середине зимы оттепелью, обещавшей редкую раннюю весну. А с весной придут частые туманы, радостно думал Гарри Бартоломью.

Он размотал тросик в новом направлении и, перебирая в руке навязанные на него узелки, уверенно отсчитывал расстояние до стены и дальше, в чащу соседского леса. Но на этот раз система Гарри не сработала – он слишком приблизился к дому Эдди Маркуса, и звук работающей цепной пилы проник в запечатанные окна.

Сдернув со стены над камином старый карабин «смит-энд-вессон», Эдди нырнул в туман. На суде он заявил, что хотел только попугать преступника. Приказал в туман невидимому вору оставаться на месте, пригрозив, что иначе будет стрелять. Ему показалось, что он услышал шорох слева, повернул ствол вправо и нажал на курок. Гарри умер мгновенно.

Это дело вызвало много споров в штате и получило огласку по всей стране. Двое защитников в суде прекрасно знали свое ремесло и были давнишними недругами. Судья славился остроумием. Присяжных набрали из «твердолобых» коннектикутских янки, отказывавшихся уезжать на зиму на юг. На скамьях для публики сидели люди, для которых этот процесс много значил. Коннектикутцы жили в своем штате круглый год, безропотно сносили холод, но не могли понять, почему правительство так упорно запрещает заготовку дров. И теперь в них непривычно шевельнулись старые, погребенные под спудом времени чувства.

– Собираюсь в Хартфорд поприсутствовать на суде над Магнусом, – объявил родным доктор Кристиан однажды вечером в конце февраля после ужина.

Джеймс, сразу все поняв, кивнул:

– Завидую. Это будет интересно.

– Джошуа, сейчас слишком холодно, и это место слишком далеко от нас, – заволновалась мать. Она не любила, когда сын покидал дом 1047 по Дубовой улице в Холломене. Ей не давали покоя воспоминания о судьбе Джо.

– Чепуха! – отмахнулся Кристиан, хотя знал, что именно ее так встревожило. Но он решил попасть в Хартфорд во что бы то ни стало. – Мне надо туда, мама. Холодно, это

правда, но мы уже пережили одно серьезное потепление, и, по всем приметам, зима не затянется. Надеюсь, что не попаду в пургу.

– В Хартфорде обычно на десять градусов холоднее, чем в Холломене, – не сдавалась мать.

Джошуа вздохнул:

– Мне надо, мама. Ситуация там очень сильно накалилась. Когда еще представится возможность оценить, какая боль скрыта в душах людей? Процесс, связанный с убийством, когда бушуют страсти, – это всегда событие. А в этом соединилось все, что коренится в неврозах тысячелетия.

– Как бы я хотел поехать с тобой, – грустно протянул Джеймс.

– А почему бы и нет?

– В это время года не получится – в клинике много работы, двоим отлучаться нельзя. Кроме того, мы отдыхали позже, чем ты. Поезжай, потом нам все расскажешь.

– Хочешь попытаться поговорить с Маркусом? – спросил Эндрю.

– Конечно. Если разрешат и если пожелает он. Но думаю, что пожелает – сейчас он готов схватиться за любую соломинку.

– Ты думаешь, его осудят? – расстроилась Мириам.

– Скорее всего. Вопрос в том, насколько тяжелое он понесет наказание.

– Ты считаешь, он в самом деле намеревался убить?

– До того, как я с ним увижусь – если наша встреча состоится, – я бы предпочел не гадать. Все уверены, что совершено преднамеренное убийство, поскольку Маркус заявил, что метил в другого человека. Болтать-то каждый горазд. Но неизвестно, как он поведет себя в решающий момент. Я сомневаюсь, что тип вроде Маркуса пойдет на убийство, если только не ощущает моральную поддержку присутствующих рядом таких же, как он, наблюдателей. Выскочив в туман узнать, кто пилит его деревья, он был зол, это так. Но один, без поддержки. А туман – это такая субстанция, которая очень быстро охлаждает эмоции. Ничего не могу сказать, Мирри.

Мэри вздохнула и проворчала:

– Если не хочешь взять Джеймса, давай поеду я.

Джошуа энергично покачал головой:

– Поеду один.

Мэри сникла и еще больше насупилась. Никто из родных не догадывался, что ей безумно хотелось поехать – все равно куда! Что все ее мечты были связаны с тем, что она путешествует, перемещается в пространстве, и расстояния лечат ее от боли невостребованной любви и тирании этой удушающей, сплоченной семьи. Если бы она попросила получше, если бы запрыгала от радости и захлопала в ладоши, предвкушая поездку, Джошуа несомненно бы ее взял. Почему же она так себя повела? Не захотела поехать по-настоящему? Ни в коем случае. Просто окружающие оказались глупы, черствы, им было все равно, чем живет Мэри Кристиан, и никто не потрудился заглянуть за фасад и разобраться в том, что творится у нее внутри. Ну и черт с ними! С какой стати она будет им помогать? Но все же как было бы здорово освободиться! Стать свободной для любви и от этой ужасной циклопоподобной семьи…

Автобусу предстояло преодолеть отделяющие Холломен от Хартфорда сорок миль. Это было изнурительное путешествие, поскольку он то и дело съезжал с шоссе, чтобы высадить пассажиров и принять новых. Дороги между городами, кроме главных, зимой как следует не чистили, так же как и улицы, где не пролегали автобусные маршруты.

Если бы суд над Маркусом назначили на неделю раньше, поездка получилась бы намного легче. Но оттепель пришла и ушла, снова навалило снегу, и температура упала ниже

нуля по Фаренгейту. Когда автобус прибыл в Мидлтаун, с неба посыпали хлопья. Снегопад не прекращался весь остаток пути, отчего они ехали дольше, чем предполагали, и сильно устали.

Благодаря своим документам Джошуа получил комнату в мотеле неподалеку от зала суда. Как все места общественного проживания, в мотеле можно было отапливать номера до шестидесяти градусов по Фаренгейту с шести утра до десяти вечера, а в столовой для постояльцев – жечь газовый камин, имитацию под настоящий. Спустившись на ужин в первый вечер, Джошуа с удивлением обнаружил, что в столовой почти не было мест. Но затем понял, что большинство постояльцев, как и он, приехали на процесс Маркуса. В большинстве своем это были журналисты. Он узнал одиноко сидящего за угловым столиком маэстро Бенджамена Стейнфельда. Неподалеку ужинал мэр Детройта Доминик д'Эсте в компании белокожей, темноволосой женщины, чье лицо показалось ему смутно знакомым. Проходя, Джошуа бросил на нее недоуменный взгляд, и она, к его удивлению, ему вежливо улыбнулась и хоть и холодно, но с готовностью кивнула. Лицо не из телевизора. Должно быть, они где-то встречались, но где?

Измученная хозяйка мотеля еле держалась на ногах – Джошуа почувствовал это по атмосфере вокруг нее. Он сел рядом со столиком д'Эсте и его спутницы и благодарно улыбнулся хозяйке. И женщина приняла его улыбку (с Джошуа это часто случалось, хотя он сам не понимал почему) так, словно он протянул ей чашу с живящим эликсиром. «Какая же это волшебная вещь, улыбка!» – подумал он. Почему же, если кто-то начинает проповедовать улыбку в качестве реального средства терапии, получается плоско и банально, словно плохая поздравительная открытка?

Меню оказалось совсем недурным – с широким набором традиционных блюд янки и Восточного побережья: от трех видов супа из моллюсков до тушеного мяса, свиного студня с кукурузной мукой и индейского пудинга. Как ни странно, несмотря на высочайший уровень маминой кулинарии, Джошуа больше интересовался едой, когда уезжал из дома, особенно если, как в этот раз, поездку не отягощали трудности очередной профессиональной конференции. Он выбрал суп из моллюсков Новой Англии, жаркое по-лондонски к салату с русской заправкой, а о десерте решил подумать позже. Заказывая еду, он улыбался официантке так же ласково, как до этого хозяйке мотеля.

Маэстро Стейнфельд поднялся из-за столика и на всем пути из зала царственно раскланивался со знакомыми. Затем он остановился перебросить парой слов с телевизионщиками из Детройта. Его представили сидевшей рядом с д'Эсте женщине. Музыкант наклонился, чтобы поцеловать ей руку, и от этого движения волосы упали ему на лоб, что позволило маэстро, выпрямившись, резким театральным движением закинуть непокорную прядь на место. Казалось, копна его волос была специально предназначена для такого представления.

Кристиан с любопытством наблюдал за ним боковым зрением, пока не принесли первое блюдо, после чего переключил свое внимание на большую миску с дымящимся сливочным супом. Он обнаружил на дне щедрый слой измельченных моллюсков и кубиков картофеля.

Все было такое сытное, свежее и вкусно приготовленное, что от десерта Джошуа отказался.

– Только кофе и двойной коньяк. Благодарю вас. – Он кивнул в сторону занятых столиков. – У вас сегодня много народу.

– Приехали на процесс Маркуса, – объяснила официантка, мысленно соглашаясь с тем, что ей шепнула хозяйка: она будет обслуживать самого привлекательного мужчину в зале. Да, маэстро Стейнфельд был очень эффектным, но чопорным, мэр д'Эсте настолько хорош собой, что казался вылепленным из воска. Зато доктор Кристиан был по-настоящему оба-

ятельным. Его улыбка говорила, что собеседница ему интересна и нравится, но при этом было ясно, что он не из тех мужчин, кто ищет любовных приключений.

– Меня вызвали помочь, – продолжила она и, испугавшись, как бы клиент не подумал, что она не профессиональная официантка, добавила: – По вторникам я обычно выходная.

Девушка из центральных областей, решил Кристиан, бесхитростная и практичная.

– Не думал, что суд над Маркусом станет таким заметным событием.

– О нем напишут во всех газетах, – торжественно предрекла официантка. – Бедняга! Убитый всего-то и хотел немного дров.

– Он действовал противозаконно. – Джошуа произнес это вовсе не осуждающим тоном.

– Закон бессердечен, мистер.

– Истинная правда. – Он посмотрел на ее левую руку и, заметив кольцо, сказал: – Я вижу, вы замужем. И тем не менее работаете.

– Надо платить по счетам, мистер. Они сами себя не оплачивают.

– Ребенка еще нет? – Джошуа спросил потому, что обычно женщина, родив, бросает работу.

– Нет. Джонни – это мой муж – говорит, надо подождать, пока нас не переселят на постоянное место жительства на юг.

– Очень разумно. Когда вы рассчитываете переехать?

Официантка вздохнула:

– Не знаю, мистер. Джонни надо сначала найти работу там, где нам подыщут жилплощадь. Заявление мы подали. Теперь, наверное, остается ждать.

– Чем занимается ваш муж?

– Он водопроводчик в городском хозяйстве Хартфорда.

Доктор Кристиан откинул голову и рассмеялся:

– В таком случае не волнуйтесь: работу в месте, где теплее, он найдет. Даже машины, которые перевозят людей, не любят, когда в них появляется течь.

Официантка повеселела, приободрилась. Теперь несколько дней она будет рассказывать родным и знакомым, какого приятного мужчину обслуживала в столовой мотеля.

Кофе оказался вкусным, коньяк «Реми Мартен» отличным, а официантка не забывала вовремя наполнять и чашку, и рюмку. Согревшись и насытившись, Джошуа захотел выкурить сигару – верный признак того, что ужин доставил ему истинное удовольствие. Но курение в помещении строжайше запрещалось, а на улице было не лето. Поэтому он сказал себе: радуйся тому, что выдался случай вырваться из дома и из клиники. Обидно, что он получал так мало удовольствия от профессиональных конференций. Но кому понравится находиться в окружении тех, кто тебя презирает и над тобой смеется? Другое дело судебный процесс по делу об убийстве – как раз то, что нужно.

Джошуа не очень охотно поднялся, добавил к счету щедрые чаевые и направился к выходу, забыв бросить взгляд в сторону темноволосой женщины, которую он откуда-то знал.

За его спиной Джудит Кэрриол, сидя за столиком с мэром д'Эсте, размышляла о разговоре доктора Кристиана с официанткой, который бессовестно подслушала. Очень интересный разговор! Как ласково он обращался к девушке. Обычный набор любезностей, но каким смыслом он их наполнил! И официантка на глазах расцвела. Харизма? Так ли это? Есть ли в нем, как считает Моше Чейсен, харизма?

Джудит нахмурилась, но только внутренне. Мэр д'Эсте рассуждал по поводу государственной программы переселения и сыпал аргументами в защиту продолжающегося федерального финансирования исключительно зимних переездов. Джудит оставалось лишь время от времени одобрительно кивать, поэтому мозг ее был свободен размышлять, о чем ей хотелось. О харизме. У сидящего перед ней кандидата харизма явно отсутствовала. Сердечный, обворожительный, красивый, он в то же время производил впечатление ужасного

зануды, стоило ему в разговоре оседлать своего любимого конька. Вот как сейчас. Скажи спасибо, усмехнулась про себя Джудит, что он, как некоторые, не требует, чтобы его слушали по-настоящему.

Сенатор Хиллиер был отработанным материалом. Благодаря положению Джудит ей не составило труда познакомиться с ним в Вашингтоне, и их встреча не вызвала недоумения. Он произвел на нее впечатление, но именно этого она и ожидала. Динамичный, умный, внимательный человек. Ему повезло родиться в сорочке, он воспитывался в богатой семье со старыми американскими традициями, где считалось, что служение обществу не должно приносить личную прибыль. Кэрриол провела с ним приятный день, и у нее сложилось твердое убеждение, что сенатор Дэвид Симс Хиллиер Седьмой беззаветно влюблен во власть. Вне всяких сомнений, ему не нужны были ни деньги, которые приносит власть, ни тем более социальное положение. Нет. Он жаждал власти ради самой власти, а это, по убеждению Джудит, было намного опаснее. И еще она соглашалась с Моше Чейсеном: у Хиллиера начисто отсутствовала харизма. Ему приходилось изрядно трудиться, чтобы завоевывать попадающих в его сферу людей – чувствовалось, как внутри его черепа беспрестанно вращаются колесики и шестеренки. Харизма же – нечто, дающееся безо всяких усилий.

Появившись в Хартфорде, Джудит одним выстрелом убивала двух зайцев, хотя мэр д'Эсте был не главной причиной ее поездки. К доктору Джошуа Кристиану оказалось нелегко подобраться, как она и предположила, прочитав его досье. Но тут Джону Уэйну пришла в голову мысль посадить ему на хвост частных детективов. Блестящая идея! Через десять минут, после того как объект заказал себе билет на автобус и номер в мотеле, Джудит уже ехала из Вашингтона в Хартфорд. И алле-гоп! – мэр д'Эсте тоже. Конечно, разве он мог пропустить суд над Маркусом? Хартфорд – северный город, и отснятые здесь кадры можно по-разному использовать в его программе «Северный город», не говоря уже о том, чтобы посвятить делу Маркуса передачу целиком. Сегодняшний день Джудит проводила с мэром, а познакомил их общий друг – доктор Сэмюэл Абрахам. Доминик д'Эсте был достаточно наслышан о ней, чтобы рассчитывать на ее помощь в Вашингтоне в получении заказов для Детройта. Поэтому Джудит не составило труда устроить так, чтобы их утреннее знакомство продолжилось днем, когда она наблюдала, как д'Эсте дает указание своей телевизионной группе, а затем и согласиться поужинать вдвоем.

Хорошо. С мэром она разобралась. Теперь до первого мая надо целиком и полностью сосредоточиться на докторе Джошуа Кристиане, который, по ее мнению, набирал все больше очков в качестве победителя гонки в Операции поиска.

На следующее утро Кристиан отправился в зал суда пораньше, а за ним из мотеля незаметно вышла Джудит. Она дождалась, пока он сядет в середине третьего ряда от конца, и выбрала место в этом же ряду, но у прохода. Старательно не смотрела в его сторону. По мере того как люди приходили и ряд заполнялся, она перемещалась к своему объекту. Джошуа завел разговор с двумя женщинами в ряду перед собой, и по их словам Джудит поняла, что это жена убитого и его теща. Лишь когда зал встал поприветствовать суд, они замолчали и обратили внимание на сцену. К этому времени Джудит уже сидела рядом с Кристианом.

Зал суда был небольшим и с хорошей акустикой, поскольку строили его давно не скупясь на украшения: лепнину, люстры, ниши, отделку стен. Тем более было обидно, что утреннее заседание получилось настолько скучным. В таком зале хотелось слышать искрометные речи. Присяжных выбрали, и они принесли присягу накануне; ни одна кандидатура возражений защиты не вызвала. Долго решали мелкие формальности, затем настала очередь длинного вступительного слова обвинения, которое произносил не прокурор, а его помощник. В относительно теплом помещении все задремали, но только не доктор Кристиан, кото-

рый смотрел куда угодно, но не на сидящую рядом женщину, и жадно впитывал каждую грань нового опыта.

Когда настало время перерыва на ленч, Джудит с естественным видом повернулась к Кристиану, словно ждала, чтобы тот встал и вышел из ряда в противоположную от нее сторону, а она могла бы последовать за ним. И в этот момент изобразила удивление, издала звук, который можно было бы назвать восклицанием, и, как накануне вечером, испытующе вгляделась ему в лицо.

– Доктор… Кристиан?

– Да, это я.

– Вы меня не помните? Конечно, с какой стати. – Последние слова она произнесла сразу вслед за первыми, чтобы, не задерживая, позволить ему уйти.

Джошуа остановился и вежливо посмотрел на нее – его внимание привлекли глаза Джудит, они напомнили ему парк в западной части Холломена, где темная янтарная вода густо пестрела зелеными водорослями. Пленительные глаза, в которых могло скрываться что угодно – от крокодилов до затопленных руин. Понимая, что оказался в обществе коллеги, он настороженно ответил на ее улыбку.

– Я вас где-то видел.

– В Батон-Руж два года назад.

Его лицо прояснилось:

– Конечно! Вы же там делали доклад. Доктор… доктор Кэрриол?

– Совершенно верно.

– Помню, хороший доклад – «Особенности социальных проблем, присущих городам группы В». Я тогда решил, что вы превосходно владеете вопросами логистики, но недостаточно глубоко разобрались в психологических мотивах и не получили многих ответов.

Его прямота поразила Джудит, и она от неожиданности моргнула, но, умея собой владеть, больше ничем себя не выдала. Неудивительно, что коллеги Кристиана его недолюбливают. Но может ли настолько безапелляционный человек обладать харизмой?

– Не одна я не обладаю способностью проникать в суть вещей, – спокойно ответила она. – А у вас есть это качество?

– Думаю, что да. – Он произнес это отнюдь не с превосходством, а как само собой разумеющееся.

– В таком случае, как насчет того, чтобы пообедать со мной, а заодно просветить, что не так с городами группы В?

Они пообедали, и он ей все объяснил:

– Ситуация в городах группы В – всего один аспект того, что я называю неврозами тысячелетия, но, возможно, самый серьезный. Намного серьезнее, чем ситуация в городах группы Г: в них люди тоже каждую весну возвращаются с юга, но их поддерживает их любовь к земле и дело, которым они занимаются на своей территории. Не скажу вам ничего нового, если замечу, что переселенцы из городов группы В – это выходцы из беднейших индустриальных центров на севере и Среднем Западе страны. Не собираюсь никого учить, но учитывали ли вы скудость их *внутренних* ресурсов? Духовно они не настолько связаны со сменой времен года, как люди группы Г, и не настолько сплочены, как канадцы группы Д. Чем им заниматься в зимние месяцы, когда нечего делать? Только ходить на хоккей, футбол и участвовать в народных гуляниях на Марди Гра. Из четырех месяцев, которые они проводят на юге, машину им разрешается водить только месяц. Хлеб и зрелища в свое время развратили римлян. Так почему они должны оказывать благотворное влияние в наше время? Наши рабочие образованны гораздо лучше, чем когда-либо в истории, включая сегодняшнее время. Им нужна цель. Их нужно направлять. У них должна быть цель. Они должны ощущать себя *востребованными.* А они чувствуют, что никому не нужны. В городах группы В

живут бедняки, это правда. Но большинство из них в душе не поборники уравниловки, а истинные сторонники американского элитизма. Я бы сказал, что их гордость и самолюбие пострадали сильнее всего, когда мы подписали Делийский договор. И им выпало испытать самые суровые житейские невзгоды. Безусловно, там, куда их перевозят на зиму, условия у них комфортнее, чем в собственных домах на севере и Среднем Западе, но мне кажется, у них ощущение, что от них откупились.

– Чего же не хватает? – спросила Джудит.

– Бога, – просто ответил он.

– Бога… – эхом повторила она.

– Рассмотрим их обстоятельства. – Джошуа энергично подался вперед. – В последние сто лет ощущение Бога у людей постоянно слабело. Все меньше людей становились священниками, все больше закрывалось церквей – народ терял связь с Богом, которая раньше у него была. Все основные западные религии прилагали массированные усилия, чтобы внутренне возродиться и сделать храмы привлекательнее для населения. Но добились прямо противоположного результата. Число прихожан продолжало сокращаться, так же как количество пастырей. Только в мелких и богатых общинах отмечались стойкие положительные сдвиги. Теперь во всем винят образование, улучшение условий жизни людей, телевидение, падение морали – можете сами продолжить список. Во всем этом есть доля правды. Но основная вина лежит на церквях, которым не хватает гибкости, и они, изменяясь внешне, не меняются внутренне. Или меняются, когда слишком поздно. Люди уверовали, что им присуща внутренняя добродетель – возможно, это следствие образования или расширения мировоззрения. Они не хотели больше слышать, какими были порочными, а их жизни не были настолько убийственно убогими, что только перспектива оказаться в раю держала их на этом свете. Люди многое приобрели, но хотели большего и считали, что у них есть на это право. В этой жизни! Но их все предавали. Церковь даже не пыталась проникнуть в их нужды. Правительства урезали свободы, сокращали их покупательную способность, подвергали жутким угрозам ядерной войны. И лишь когда атомный конфликт становился реальностью, наблюдались всплески посещения храмов. Но люди не должны обращаться к Богу только из страха. Их отношения с ним должны быть такими же естественными, как у ребенка с матерью.

Джошуа вздохнул.

– Делийский договор во многом всех уравнял, потому что планета, на которой мы живем, оказалась главным предателем. Угроза ядерной войны исчезла, и неразумные правительства тоже. То, что происходило между 2004 годом и нашим временем, представляется настолько новым, что никто не может это осознать, чтобы правильно действовать. Кошмары, преследовавшие человека с его появления на Земле, рассеялись и сделались почти нереальными: массовое уничтожение, захват территорий, даже голод. Люди хотят жить, а не умирать. Но это странная жизнь. И люди потеряли Бога. Мир третьего тысячелетия – это совершенно новый мир. По своей природе он не гедонистический для всех и каждого, но в то же время не нигилистический. Мы проделываем с людьми старый трюк – примеряем вчерашние принципы к завтрашним реалиям, творим вымысел завтрашнего дня из фактов вчерашнего. Цепляемся за прошлое, доктор Кэрриол.

– Вы сейчас говорите не о жителях городов группы В. Обо всех.

– Группа В повсюду.

– Я смотрю, вы не психолог – философ.

– И то и другое всего лишь ярлыки. Почему мы должны навешивать на все ярлыки, даже на Бога? Неврозы тысячелетия как раз и возникли оттого, что ярлыки больше не соответствуют предметам. Люди больше не понимают, куда идут и зачем это надо. Бредут в духовную пустыню без путеводной звезды Всевышнего.

Джудит ощутила, как стучит у нее сердце, внутри все дрожит и прилив жуткой радости, смывая все на своем пути, добирается до берегов рассудка. Это было необычное для нее ощущение, как физическое, так и ментальное. Вот что умеет проделывать этот человек с аудиторией слушателей. Но каким образом? Не одним же изложением мыслей, сколь бы интересными они ни казались. Что же в нем такого? Сила! Огромная! Какое слово для нее подобрать? И существует ли такое слово? Глаза? Голос? То, как он жестикулирует? Внутреннее напряжение? И… когда он говорит, ему веришь. Он заставляет себе поверить! Человек смотрит ему в лицо, глядит в глаза, слушает его слова и верит! Словно он повелевает Вселенной. Или мог бы повелевать, если бы захотел.

– Давайте вернемся к ситуации с городами группы В, – предложила Джудит ровным, холодным голосом. Какого же это ей стоило усилия! – Вы утверждаете, что нашли какие-то ответы. Мне хотелось бы их услышать. Я довольно активно задействована в деле переселения.

– Первым делом переселение необходимо реорганизовать.

Джудит рассмеялась:

– Об этом твердят много лет.

– И правильно. Проблема коренится в том, что большие, я бы сказал, огромные массы людей начали уезжать из северных и среднезападных районов страны задолго до того, как переселение начали планировать на официальном уровне. Процесс начался в семидесятых годах прошлого века, когда затраты на отопление зимой погнали производство в такие места, как Каролина и Джорджия. Возьмите мой город Холломен. Холломен не пал жертвой ширящегося оледенения, Делийского договора и переселения. Если не считать Чаббского университета. На рубеже третьего тысячелетия этот город был уже мертв. Все фабрики перебрались на юг. Деловой центр заколотили досками за десять лет до моего рождения. А я родился в двухтысячном году. Первыми город покинули обитатели гетто: черные и пуэрториканцы. За ними последовали белые рабочие и представители среднего класса – американцы итальянского, польского, ирландского и еврейского происхождения. Большинство старшего поколения растворилось во Флориде, классом выше – в Аризоне. Молодежь, среди которой встречались дипломированные ученые, не сумевшие получить работу даже кассиров в супермаркете, искали ее в других местах. А солнце, как обычно, вставало и заходило. Один из моих пациентов – старик из Восточного Холломена. Я называю его пациентом, но в наши дни он скорее непременный атрибут, чем просто пациент. Я терпеть не могу выписывать больных, если после лечения они все еще в нас нуждаются. Так вот, этот старик одинок, и мы заполнили в его жизни пустоту, поскольку больше ее заполнить было нечем. Пятое поколение его семьи жило и работало в Холломене. Он был одним из пятерых детей, родившихся в пятидесятые годы. К 1985 году его отец умер, мать уехала жить во Флориду, брат в Джорджии, одна из сестер в Калифорнии, вторая вышла замуж за южноафриканца и уехала с ним, третья поселилась в Австралии. Типичная, как он мне говорил, ситуация в их районе для последней четверти двадцатого века, и я ему верю.

– Не совсем понимаю, какое это имеет отношение к переселению жителей городов группы В? – Джудит улыбнулась, не желая, чтобы доктор Кристиан почувствовал колкость в ее вопросе.

– Я вот к чему клоню, – терпеливо продолжал он. – Для жителей этих городов официальное переселение не стало громом среди ясного неба. Они уже много лет переселялись самостоятельно. Разница в том, что когда это дело взяло в свои руки государство, люди потеряли право выбирать, куда ехать. Не было бы предыдущих лет переселения, сомневаюсь, чтобы они подчинились. Но похолодание и Делийский договор стали сахарной глазурью на торте, которым они так давно лакомились, что перестали ощущать вкус.

– Дело не в том, что мы не хотим предлагать им выбор, – возразила Джудит. – Задача слишком грандиозная. Может быть, позднее…

– Вы меня неправильно поняли. Я не обвиняю Вашингтон или кого-либо другого в бессердечии и прекрасно сознаю масштабы задачи. Переселение задумывалось из лучших побуждений, и все действия планировались гипотетически. Но размещать тех, кого переселяют на постоянное жительство, и тех, кто уезжает только на зимние месяцы, раздельно – неверный шаг. Понятно, почему так сделано: трудно возвращаться в апреле на север в то время, как твой сосед обосновался навсегда в новом южном месте обитания. Но основная проблема с жителями городов группы В – как раз их бездомность. Что есть твой дом? Где твой дом? То место, где ты проводишь время с ноября по апрель? Или там, где живешь с апреля по ноябрь? Могу сказать, что сам думаю по этому поводу. В северных и среднезападных районах стало слишком холодно, чтобы поддерживать промышленность без серьезного укрепления, и их необходимо закрыть. Детройт, Буффало, Чикаго, Бостон и другие. Центры переселения, возможно за исключением предназначенных для жителей аграрных городов группы Г, должны стать постоянными, чтобы люди там по-настоящему обосновывались и работали. Необходимо полное перемешивание: чтобы выходцы из зоны В интегрировались со всеми остальными – жили на одной улице, в одном новом поселении. Прежняя стратификация не нужна, и ее не надо сохранять. И тем более не надо изобретать новую. Все одинаково страдают от ограничений Бюро второго ребенка, от нехватки топлива на зиму, от отсутствия личного транспорта. У всех настолько схожие проблемы, что в наше время все могут поладить друг с другом.

Джудит улыбнулась:

– К концу все немного скомкано, но смысл я уловила.

Джошуа остался серьезным, и она, задав себе вопрос: «А есть ли у него чувство юмора?», заключила: наверное, нет.

– Теперь недостаточно жить для самого себя, в единоличном центре персональной вселенной. Если такое вообще было когда-нибудь возможно, – добавил он, словно размышляя вслух. – Духовно коммунисты состоятельнее, чем мы, потому что у них есть государство, которое они боготворят. Мы страстно любим Америку, но мы ее не боготворим. Наш народ должен снова обрести Бога, чтобы каждый научился жить в центре личной вселенной с Богом и собой. Только не старого иудейского бога, искромсанного очередным прилаживанием к новым обстоятельствам. Он много раз свергался и снова воздвигался на престол – Павлом, Августином, Лютером, Ноксом, Смитом, Уэсли и так до бесконечности. Это был привой, прививка иудейского кумира на древо пантеона римских богов. Он человеческое представление. Но Бог – не человек. Бог – это бог. Во веки веков. Я учу своих пациентов: верьте. Говорю: если не способны уверовать в существующую идею Бога, сотворите свою. Должна быть вера, потому что без веры вы никогда не будете цельными.

У Джудит перехватило дыхание: ее посетило озарение, и такое четкое и ясное, что она увидела, как перед ней разворачивается мир. Сам того не сознавая, Кристиан научил ее, что и как надо делать.

– Браво! – воскликнула она и невольно дотронулась до его руки. – Так давайте, доктор Кристиан, докажите, что ваша точка зрения справедлива.

Он моргнул, застигнутый врасплох пылкой реакцией этой женщины, которая долго слушала его бесстрастно (про себя он уже отметил, что не привык к холодному приему аудитории). Затем его взгляд упал на длинные белые пальцы, зловеще, по-паучьему обвившиеся вокруг его кисти. Он осторожно убрал их другой рукой и, запинаясь, поблагодарил:

– Спасибо.

Настроение его улетучилось. Ставни закрылись, свет был потушен даже для самого себя.

Джудит встала:
– Пора возвращаться.

Вечером доктор Кэрриол, не обращая внимания на холод, расхаживала по комнате. В десять часов отопление безжалостно отключили. Предполагалось, что все добропорядочные постояльцы уже забились под одеяла. Ну а если кто-то не лег в постель, пусть пеняет на себя.

Она совершила глупость, дотронувшись до него. Почувствовав прикосновение ее руки, Кристиан замкнулся, шарахнулся от нее, как от чумы. Не тот человек, с кем можно общаться посредством гормонов. Но каков – побудил ее, Джудит Кэрриол, на такой поступок!

Где-то между полуночью и восходом солнца все ее сомнения исчезли. Доктор Джошуа Кристиан, никому не известный, непроверенный, был именно тем, кто ей нужен! Если он произвел такой эффект на нее, то сумеет покорить миллионы. В этом нет никаких сомнений. Джудит наконец поняла, какими мучительно разветвленными были отростки от идеи главного ствола Операции поиска. Ее подсознание постоянно сомневалось и гадало, какой должна быть идеальная модель, но уровни мысли, которые поднимались выше того, что она называла активным разумом, так и не нащупали пути и коридоры, открывшиеся перед ней теперь. Да. Он был именно тем человеком, который ей нужен.

Далее вопрос был только в логистике – доставить этого человека к миллионам. Что-то в его мозгу уже шевелится, следовательно, он – теплый воск, из которого можно вылепить все, что угодно.

Однако кардинальная перестройка системы переселения – это не ответ. Решение в нем, и только в нем. В этом человеке люди найдут ответы на все свои вопросы и средство от всех своих недугов. И подарит им этого человека она. И никто другой.

Почему-то эта женщина испортила ему весь остаток дня, недоумевал Джошуа, лежа под несколькими слоями пуховых одеял. В последнее время ему стало непросто обуздывать бушевавшие в мозгу приливы и отливы, кружившие и подбрасывавшие хрупкий кораблик его души, словно он сам – живой человек и вместилище духа – больше ничего не значил в сравнении с обитавшей в нем ужасной силой. С тревогой и изумлением он допытывался: где кроется природа этой силы, в нем самом или вовне? Он ее порождает, или это сила незаметно, бездушно его подпитывает, чтобы впоследствии, когда его миссия будет выполнена, выкинуть на свалку?

Надо все выяснить. В течение этой долгой зимы Джошуа не переставал размышлять. Ему приходило в голову, что его время на исходе и необходимо что-то предпринять. Только что? Этого он не знал. В чем его миссия? Это ему тоже неизвестно. Джошуа понимал: долго ему не удастся сопротивляться себе. Сопротивляться чему? Тоже загадка. Он не ведал, что от него требуется и как это выполнить.

И какой смысл в появлении этой женщины? Необычной, загадочной Джудит Кэрриол. Ее глаза словно тускло мерцающие жемчужины – слой под тончайшим слоем, которые придется счищать целую вечность, чтобы добраться до сердцевины истины. Спокойная и легкая в движениях, изящная и чужая. Леонардо да Винчи выбрал бы ее вместо Джоконды, чтобы написать свое лучшее полотно. А ведь она сама писала себя – автопортрет. Вот какой вопрос нужно задать себе: насколько она искусный художник. Она была в фиолетовом – цвете, противоположном цвету ее глаз, оттеняющем ее белейшую кожу нежнейшим опаловым отливом и заставляющим отсвечивать синевой ее темные волосы.

Когда она коснулась его руки, у него появилось особое чувство: не трепет плоти, напротив – трепет бестелесного. И в тот же момент он понял, что у нее на него какие-то виды. Поэтому жутко испугался и отпрянул. Теперь он лежал без сна и думал обо всем, о чем вовсе не хотел бы вспоминать. Он обрел свою нишу, был доволен и счастлив. Почему она явилась

именно этой зимой, когда он потерял покой, все больше ощущал одиночество, разлад в себе, ожесточился? Почему сейчас? Закономерность? Бог безусловно существует, иначе не могла бы крохотная крупинка с таким смыслом материализоваться из огромного хаоса.

Она не юна. По крайней мере, лет сорок. Джошуа умел определять возраст ухоженных женщин. Лучше была бы помоложе. Юную легче оттолкнуть, юность в себе не уверена, во всем винит себя и не задается вопросами, почему ее отвергают. Эта женщина опытна и проницательна. Не из тех, кем можно пренебречь без веской и разумной причины. Джошуа не понимал, почему в нем крепла уверенность, что от нее нужно держаться подальше – немедленно возвратиться в Холломен, к привычному кругу забот. Может ли мужчина прочитать свое будущее на лице женщины? Может ли его будущее быть настолько великим и настолько ужасным?

«Мама! Мне нужна моя мать! Мне нужна моя семья! Почему я не позволил Джеймсу поехать со мной? Даже с Мэри было бы легче, чем одному в этой оторванности. Почему я так радовался, сорвавшись с поводка их нежной любви?»

Ночь шла, и его веки тяжелели, опускались. «О сон, великий сон, облегчи мою боль! Дай мне покой». И сон пришел. Последней мыслью перед тем, как заснуть, и первой после пробуждения было твердое решение не дать этой женщине украсть его душу. Так он хотя бы останется самим собой.

Оба проспали дольше обычного и не пошли на процесс Эдди Маркуса. А встретились совершенно случайно на углу улицы неподалеку от мотеля, когда Джошуа возвращался с прогулки, а Джудит вышла погулять.

Они остановились и взглянули друг на друга. Ее глаза – страстные, сияющие, молодые. Его – все понимающие, усталые, старые.

А затем Джошуа повернулся и пошел рядом с ней.

– В Холломене вы только отчасти счастливы. – Когда Джудит говорила, у нее изо рта вырывался пар, такой же белый, как весь окружающий заснеженный мир.

Сердце Джошуа екнуло – он понял, что его предчувствие сбывается.

– В Холломене я совершенно счастлив, доктор Кэрриол.

– А по тому, что вы говорили мне вчера, я бы этого не сказала. По крайней мере, в глубине души вы так хотите, чтобы был счастлив весь мир, что, думаю, вам не место в вашем Холломене.

– У меня нет ни малейшего желания жить где-нибудь еще и заниматься чем-нибудь другим! – громко воскликнул Джошуа.

Джудит кивнула. Вчера в фиолетовом она казалась загадочной, а в это мучительно морозное утро в красном – торжествующей.

– Все, безусловно, так. И тем не менее я прошу вас отправиться со мной в Вашингтон. Сегодня же.

– В Вашингтон?

– Я работаю в Вашингтоне, Джошуа, возглавляю Четвертую секцию в министерстве окружающей среды. Хотя, полагаю, мои слова вам ничего не сказали.

– Нет.

– Четвертая секция – это мозговой центр министерства.

– В таком случае вы занимаете очень высокую должность. – Больше Джошуа не нашел что сказать.

– Так и есть. Я ответственно отношусь к своей работе. Настолько ответственно, что готова рискнуть получить отказ, а получив отказ, продолжать настаивать. Ведь вы собираетесь мне отказать, доктор Кристиан. – Джудит словно забыла, что минуту назад назвала собеседника Джошуа.

– Собираюсь.

– Я понимаю, что по характеру вы отшельник. Знаю, какой блестящей клиникой управляете в Холломене и всей душой преданы своему делу. Я не собираюсь отнимать вас у вашего занятия и предлагать работу в Вашингтоне, если это вас тревожит.

Джудит заговорила медленно, спокойно, в ее голосе зазвучали красивые, глубокие обертоны. Этот голос обволакивал, словно шелковый поток, и мог смягчить смысл сказанных слов. И смягчал. Джошуа начал расслабляться, страхи больше не казались болезненно гнетущими. Эта женщина не уговаривала его навсегда оставить Холломен.

– Я хочу, чтобы вы съездили со мной в Вашингтон и познакомились с одним из моих самых уважаемых коллег – Моше Чейсеном. Вы его имени не слышали, поскольку он работает не в нашей области. Четвертая секция взяла Чейсена исключительно в качестве аналитика обработки статистических данных. В области переселения. После нашего вчерашнего обеда я не могу думать ни о чем другом, кроме того, что вы мне сказали. И очень заинтересована, чтобы вы встретились с Моше, прежде чем он войдет в рабочий ритм. Видите ли, я поручила ему пересмотреть всю концепцию переселения, и сейчас он нащупывает путь, по которому должен пойти процесс. Поедемте со мной. Если вы с ним поговорите, это будет для него большой удачей.

Джошуа вздохнул:

– У меня очень много дел в Холломене.

– Не существует ничего такого, что бы не могло неделю подождать. И вы же собирались присутствовать на процессе Маркуса.

– Неделю?

– Всего неделю.

– Хорошо, доктор Кэрриол, я согласен на неделю, но ни минутой дольше.

– Спасибо. Кстати, если я вам раньше не сказала, мое имя Джудит. Пожалуйста, называйте меня Джудит. Потому что, Джошуа, я тоже собираюсь обращаться к вам по имени.

Они повернули к мотелю.

– Мне надо сначала заехать домой. – Джошуа подумал, что его слова заставят собеседницу дрогнуть, но она не собиралась позволять себе такой слабости.

– Договорились. Я тоже прокачусь с вами. – Она уютно взяла его под руку. – А из Холломена поедем прямо в Вашингтон на ночном поезде. Так что это будет даже не крюк.

– У меня нет абонемента на поезд.

– Ничего, – рассмеялась Джудит, – как-нибудь устроимся. У меня приоритетный статус.

У доктора Кристиана не оставалось иного выхода, кроме как сдаться.

Они впрыгнули в холломенский автобус за десять секунд до отправления. Доктор Кэрриол сидела, старательно пряча радость победы, а доктор Кристиан в душе недоумевал, зачем втравился в это дело.

Он не любил отлучаться из клиники, хотя не понимал, что его там настолько сильно держало, чтобы почти не уезжать из Холломена. К тому же эта Джудит совершенно права: он вполне может провести неделю в Вашингтоне, если до этого планировал провести неделю в зале суда. Как ей объяснить, что процесс Маркуса для него что-то вроде маленького отпуска, а экскурсия в федеральную столицу и серьезные дискуссии с государственным чиновником все что угодно, но только не отпуск и не отдых? Она настойчива и не намерена принимать отказ, если настроена на его согласие. В душе Джошуа был недоволен собой – нельзя позволять собой манипулировать. Но на поверхности не видел повода считать собеседницу настырной. Однако чутье – чувство, к которому он относился с уважением, – говорило, что нужно во что бы то ни стало отделаться от поездки в Вашингтон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.